

ЗАКОН *забвения*

РОБЕРТ
ХАРРИС

The Big Book. Исторический роман

Роберт Харрис
Закон забвения

«Азбука-Аттикус»

2022

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Харрис Р.

Закон забвения / Р. Харрис — «Азбука-Аттикус», 2022 — (The Big Book. Исторический роман)

ISBN 978-5-389-23305-8

Бурным выдался в истории Англии семнадцатый век. В 1649 году мятежники Кромвеля прилюдно отрубили Карлу I голову, а в 1660-м на престол взошел сын монарха, Карл II. Чтобы положить конец круговороту расправ, был принят закон, дарующий прощение всем участникам гражданской войны. Всем, кроме тех, кто подписал смертный приговор королю. Этих людей преследуют, ловят и подвергают жестокой казни. Двое из них, преданные сторонники Кромвеля, полковники Эдвард Уолли и Уильям Гофф, спасая жизнь, бегут на самый край света. Но даже там им не скрыться от проницательного Ричарда Нэйлера, чиновника Тайного совета, имеющего личные счета к цареубийцам. Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-23305-8

© Харрис Р., 2022
© Азбука-Аттикус, 2022

Содержание

Действующие лица	7
Часть I. След. 1660 г.	9
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	43
Глава 7	50
Глава 8	57
Глава 9	58
Глава 10	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Роберт Харрис

Закон забвения

Посвящается Джилл

Robert Harris

ACT OF OBLIVION

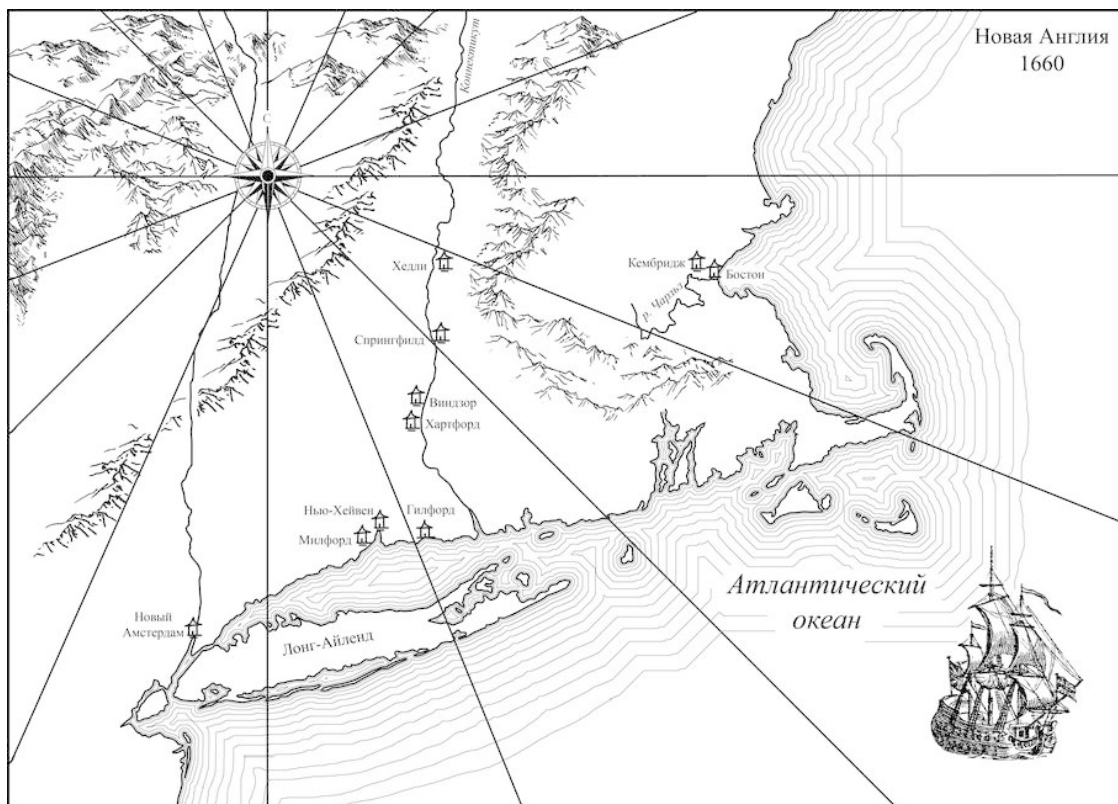
Copyright © 2022 by Canal K Limited

All rights reserved

© А. Л. Яковлев, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

Этот роман – художественное воссоздание реальной истории отслеживания «цареубийц», палачей короля Карла I, величайшей охоты на человека в семнадцатом веке, а именно: погони за Эдвардом Уолли и Уильямом Гоффом через Новую Англию. Факты, даты и места событий точны, и почти каждый персонаж является историческим, за исключением Ричарда Нэйлера. Мне кажется, подобный человек должен был существовать – нельзя же ведь вести охоту без охотника, но кто бы он ни был, имя его затерялось в дебрях прошлого.

Во всем остальном я старался придерживаться установленных фактов и даже открыл еще несколько неизвестных прежде: например, выяснил дату и место рождения Гоффа и личность второй жены Уолли. И все-таки это роман, и читатели, у которых появится желание глубже разобраться в этой истории, найдут в разделе благодарностей перечень источников.

Роберт Харрис
20 июня 2022 г.

Действующие лица

Цареубийцы

Полковник Эдвард Уолли.

Полковник Уильям Гофф.

В Массачусетсе

Дэниел Гукин – поселенец из Кембриджа, Массачусетс.

Мэри Гукин – жена Дэниела Гукина.

Мэри, Элизабет, Дэниел, Сэмюел, Натаниэль – дети Гукинов.

Джон Эндикотт – губернатор Массачусетса.

Джонатан Митчелл – священник из Кембриджа.

Джон Нортон – священник из бостонской Первой церкви.

Капитан Томас Бридон – бостонский купец, судовладелец, роялист.

Томас Келлонд – судовладелец, роялист.

Капитан Томас Керк – роялист.

Джон Чейпин – проводник Нэйлера.

Джон Стюарт, Уильям Макуотер, Нивен Эгнью, Джон Росс – шотландцы, члены охотничьей команды Нэйлера.

Джон Диксвелл – цареубийца.

В Нью-Хейвене

Преподобный Джон Девенпорт – священник и один из основателей Нью-Хейвена.

Николас Стрит – помощник священника и старший учитель в Нью-Хейвене.

Уильям Джонс – житель Нью-Хейвена.

Ханна Джонс – жена Уильяма Джонса.

Уильям Лит – губернатор Нью-Хейвена.

Деннис Крэмптон – житель Нью-Хейвена.

Ричард Сперри – фермер.

В Коннектикуте

Джон Уинтроп – губернатор Коннектикута.

Саймон Лобделл – проводник.

Майка Томкинс – владелец лавки разных товаров в Милфорде.

Капитан Томас Булл – пуританин из Хартфорда.

Джон Рассел – священник в Хедли.

В Лондоне

Ричард Нэйлер – секретарь Тайного совета.

Кэтрин Уолли – жена Эдварда Уолли.

Фрэнсис Гофф – жена Уильяма Гоффа, дочь Эдварда Уолли.
Фрэнки, Бетти, Нэн, Джудит, Ричард – дети Уильяма Гоффа.
Преподобный Уильям Хук – зять Эдварда Уолли.
Джейн Хук – жена Уильяма Хука, сестра Эдварда Уолли.
Полковник Фрэнсис Хэкер – начальник стражи, надзиравшей за королем Карлом I.
Изабелла Хэкер – жена полковника Хэкера.
Сэр Эдвард Хайд (позднее граф Кларендон) – лорд-канцлер.
Сэр Уильям Морис – государственный секретарь.
Сэр Артур Эннесли, сэр Энтони Эшли-Купер – члены Тайного совета.
Барбара Палмер (позднее леди Каслмейн) – любовница Карла II.
Сэмюел Нокс – секретарь Нэйлера.
Герцог Йоркский – младший брат короля Карла II.
Сэмюел Уилсон – купец.

В Европе

Сэр Джордж Даунинг – посол его величества в Гааге.
Сэр Джон Баркстед, Джон Диксвелл, полковник Джон Оки, Майлз Корбет, Эдмунд Ладлоу – подписанты смертного приговора королю.
Джеймс Фиц-Эдмонд Коттер, Майлз Кроули, Джон Риэрдэн – ирландские офицеры-роялисты.
Сэр Джон Лайл – законник, организатор суда над королем Карлом I.

В годы Гражданской войны

Оливер Кромвель – кузен Эдварда Уолли.
Генри Айртон – зять Кромвеля.
Генерал Фэрфакс – командующий войсками Парламента.
Корнет Джордж Джойс – офицер, арестовавший короля.
Джон Бредшоу – председатель суда над Карлом I.
Джон Кук – обвинитель на суде над Карлом I.
Томас Харрисон – подписант смертного приговора королю.

Часть I. След. 1660 г.

Глава 1

Если бы летом 1660 года вам вздумалось совершить четырехмильную прогулку из Бостона до Кембриджа, что в Массачусетсе, первым встретившимся вам после переправы через реку Чарльз домом был бы дом Гукинов. Располагался он близ дороги на южной окраине небольшого городка, сразу за ручьем, на полпути через заболоченный луг между рекой и Гарвардским колледжем. Последний представлял собой солидное двухэтажное здание из бревен, обнесенное изгородью, с чердаком под крутой крышей, откуда открывался отличный вид на реку Чарльз. В том году колония строила первый мост через эту реку. Толстые деревянные сваи забивали в илистое дно поблизости от пристани, к которой причаливал паром. Шум от ударов кувалд, визг пил, крики рабочих разносились в сонном летнем воздухе, долетая до дома Гукинов.

В тот особый день, в пятницу, 27 июля, парадная дверь была распахнута, а к столбу ворот прибита табличка с надписью детской рукой: «Добро пожаловать домой». Проходивший мимо студент сообщил, что утром между Бостоном и Чарльзтауном встал на якорь корабль из Лондона «Благоразумная Мэри». Предполагалось, что среди его пассажиров должен находиться мистер Дэниел Гукин, хозяин дома, вернувшийся в Америку после двухлетнего отсутствия.

Полы в доме, и прежде почти безупречно чистые, мигом подмели и вымыли, детей оттерли мочалкой и облачили в лучшие воскресные костюмы. С послеобеденного часа все пятеро ждали вместе с миссис Гукин в гостиной: двадцатилетняя Мэри, названная в честь матери; Элизабет восемнадцати лет и три их младших брата: десятилетний Дэниел, восьмилетний Сэмюел и Натаниэль. Последнему было четыре года, отца он не помнил и беспокойно ерзал в кресле.

Миссис Гукин знала, что угнетает его перспектива встречи, а не необходимость оставаться в четырех стенах. Усадив сынишку на колени, она гладила его по голове и рассказывала про человека, которому предстояло вскоре войти в дверь: о его доброте и милосердии, о важной работе для правительства в Лондоне, куда его вызвал сам лорд-протектор.

– Он тебя любит, Нат, и Бог сделает так, что и ты его полюбишь.

– А кто такой лорд-протектор?

– Протектор, дитя. Он был правителем Англии и Америки.

– Как король?

– Да, как король, только лучше, потому что его выбрал Парламент. Но теперь протектор умер. Вот почему твой отец возвращается домой.

Мэри сбегала наверх и вернулась через минуту с докладом, что паром по-прежнему причален у противоположного берега, а на дороге никого не видно.

С этой минуты дети по очереди взбирались каждые четверть часа на чердак в дозор и всякий раз возвращались с одним и тем же ответом. В голову миссис Гукин стало закрадываться ужасное подозрение, что супруг ее, видимо, так и не приехал. Или что прибыл не его корабль, или что корабль-то прибыл, но мужа на борту нет. Быть может, он вовсе не отплыл из Лондона или какое-то несчастье приключилось с ним по пути. Завернутое в саван тело, короткая молитва, и труп с привязанным к шее грузом вниз головой съезжает по доске в волны. Такая картина пронеслась перед ее мысленным взором. Ей дважды приходилось наблюдать это зрелище во время их изначального путешествия из Англии почти двадцать лет тому назад.

– Мальчики, ступайте на улицу и ждите отца там.

Нат сполз у нее с колен, и все трое мальчишек метнулись к двери, словно вытряхнутые из мешка коты.

– Только костюмчики не испачкайте...

Девушки остались на месте. Мэри, очень походившая на мать по части здравого смысла и привыкшая за два года исполнять роль мужчины в управлении домом, сказала:

– Я уверена, мама, что нет необходимости переживать. Господь его не оставит.

– Но вот уже часов семь, как пришел корабль, а от Бостона всего час пути, – выпалила Элизабет, более смазливая, чем старшая сестра, и постоянно сетовавшая на рутину хозяйственных дел.

– Не критикуй отца, – сказала миссис Гукин. – Если он задерживается, значит имеет на то веские причины.

Несколько минут спустя с улицы раздался голос Дэниела:

– Кто-то едет!

Все высыпали из дома, потом через ворота на дорогу, представлявшую собой прорезанную в грязи, теперь высохшую колею. Миссис Гукин прищурила глаза, глядя в сторону реки. Со времени отъезда мужа зрение ее сильно ухудшилось. Все, что ей удалось разглядеть, – это темный силуэт парома, ползшего, словно водяной жук, поперек голубой ленты реки.

– Там повозка! – затараторили мальчишки. – Там повозка! В повозке папа!

Они бросились по дороге навстречу, Нат отчаянно семенил короткими ножками, чтобы не отстать от братьев.

– Это вправду он? – спросила миссис Гукин, беспомощно шурясь.

– Он, – ответила Элизабет. – Смотрите! Видите, он машет.

– Ах, слава богу! – Миссис Гукин опустила на колени. – Слава богу.

– Да, это он, – подтвердила Мэри, прикрыв глаза ладонью от солнца. А потом добавила озадаченно: – Но с ним еще двое.

В вихре объятий и поцелуев, слез и смеха, визга детей, которых подбрасывали и кружили в воздухе, на двоих незнакомцев, деликатно оставшихся сидеть в задней части повозки среди багажа, никто не обращал внимания.

Дэниел Гукин усадил Ната на плечи, подхватил Дэна и Сэма себе под мышки, пробежал с ними по двору, распугав кур, затем обратил свое внимание на визжащих девочек. Мэри успела позабыть, какой крупный у нее муж, какой красивый, какой внушительный на вид. Она не могла отвести от него глаз.

Наконец Гукин оставил дочерей и обнял жену за талию.

– Тут люди, с которыми тебе нужно познакомиться. Не пугайся, – прошептал он и повел ее к повозке. – Джентльмены, боюсь, я совсем позабыл о приличиях. Разрешите представить мою жену, самую настоящую Благоразумную Мэри, наконец-то во плоти и крови.

Пара обветренных лиц с всклокоченными бородами обратилась к ней. Приподнялись шляпы, обнажив длинные спутанные волосы. На обоих были куртки из буйволово́й кожи, покрытые коркой соли, и по паре потертых коричневых сапог с высокими голенищами. Когда гости поднялись несколько неловко, толстая кожа курток закрипела, и Мэри уловила запах моря, пота и сырости, словно этих двоих только что выловили со дна Атлантики.

– Мэри, – продолжил Гукин. – Это два добрых моих друга, моих попутчика по дороге через океан: полковник Эдвард Уолли и его зять, полковник Уильям Гофф.

– Искренне рад встрече с вами, миссис Гукин, – сказал Уолли.

Женщина выдавила улыбку и покосилась на мужа. Два полковника? Но Гукин уже убрал руку с ее талии и принялся помогать тем двоим сойти с повозки. Мэри заметила, как уважительно держится он с ними. Ступив на землю после долгих недель в море, оба покачнулись и со смехом помогли друг другу устоять на ногах. Дети удивленно уставились на них.

– Давайте вознесем хвалу Господу за наше благополучное прибытие, – заявил полковник Гофф, младший из двоих.

Под бородой его скрывалось приятное, умное лицо, имеющее благочестивое выражение, голос звучал мелодично. Он поднял руки с раскрытыми ладонями и возвел глаза к небесам. Семейство Гукинов оторвало от него завороченные взгляды и опустило головы.

– Мы помним сто шестой псалом: «Да славят Господа за милость Его и за чудные дела Его для сынов человеческих! Отправляющиеся на кораблях в море, производящие дела на больших водах, видят дела Господа и чудеса Его в пучине». Аминь.

– Аминь.

– И кто это у нас тут? – произнес полковник Уолли. Он подошел к выстроившимся в ряд детям и спросил их имена. Потом стал указывать на каждого по очереди. – Мэри. Элизабет. Дэниел. Сэм. Натаниэль. Отлично. Меня зовут Нед, а это Уилл.

– Нед, а вы знали лорда-прозектора? – спросил Натаниэль.

– Знал, очень близко.

– Он ведь умер, да?

– Молчи! – цыкнула миссис Гукин.

– Да, Натаниэль, умер, – ответил Нед горестно. – И это очень жаль.

Повисла тишина.

Мистер Гукин хлопнул в ладоши:

– Ну-ка, ребята, давайте поможем полковникам перенести их вещи.

До этого мгновения Мэри Гукин тешила себя надеждой, что муж всего лишь предложил подвезти этих двоих. Теперь, видя, как он сгружает их багаж с повозки и передает сыновьям, она испытала досаду. Не о таком возвращении супруга домой она мечтала – теперь ей предстоит кормить и размещать двух старших офицеров английской армии.

– И где мы их поселим, Дэниел? – говорила она тихо, чтобы гости не услышали, и не смотрела на мужа – так легче было не вспылить.

– Мальчики уступят им свои кровати, а сами поспят внизу.

– Сколько они у нас проживут?

– Сколько понадобится.

– И как это долго: день, месяц, год?

– Не могу сказать.

– Почему у нас? Разве в Бостоне не сдаются комнаты? У полковников нет денег, чтобы заплатить за койки?

– Губернатор полагает, что в Кембридже им будет безопаснее, чем в Бостоне.

Безопаснее...

– Ты разговаривал насчет их размещения с губернатором?

– Мы провели у него полдня. Он угостил нас обедом.

Вот почему путь из Бостона занял у него столько времени. Она смотрела, как мальчики с трудом тащат тяжелые сумки, а два полковника идут за ними к дому, переговариваясь с девушками. К чувству разочарования и досады прибавилось еще одно, более острое – страх.

– А почему... – начала она робко, – почему губернатор считает Кембридж местом более безопасным, нежели Бостон?

– Потому что в Бостоне полно негодяев и роялистов, тогда как здесь они окажутся среди людей божьих.

– В таком случае это не гости из Англии, а скорее... беглецы? – Ответа она не получила. – От чего они бегут?

Гукин помолчал и заговорил только тогда, когда полковники вошли в дом.

– Они убили короля, – тихо сказал он.

Глава 2

В Англии было почти девять вечера, солнце как раз садилось. Изабелла Хэкер в простом квакерском платье, ставшем из синего коричневым из-за пыли, осевшей на него за два дня пути, въезжала в родную деревушку Статерн, что в Лестершире.

Буквально по пятам за ней ехал еще один человек. Его постоянное присутствие выводило ее из себя. Как и его молчание. Он следовал за ней всю дорогу на север от Лондона. Но даже когда они останавливались на ночлег, едва обменивался с нею парой слов. Изабелла Хэкер знала, что в кармане у него лежит предписание, выданное за три дня до того Палатой лордов. Он показал его ей, когда объявился на пороге ее дома в Лондоне.

«Сим повелевается, что полковник Хэкер без промедления обязан отослать супругу свою в деревню для разыскания вышеупомянутого приговора; а состоящему при сей Палате джентльмену Ашеру отрядить с ней человека для исполнения предписанной надобности».

– Я этот человек, – сообщил он.

Миссис Хэкер без препирательств согласилась ехать с ним в деревню. Она готова была на все, лишь бы помочь мужу, который сидел в это время в Тауэре по подозрению в государственной измене. Карой за это преступление была смерть, почти невообразимо и бесконечно ужасная: повесить до потери сознания, обрезать веревку, привести в чувство, кастрировать, выпотрошить – внутренности извлечь и сжечь на глазах у живой жертвы, – затем обезглавить, а тело разрубить на четыре части для публичного обозрения. Вообразить такое было невозможно, но она не могла перестать мучить себя, представляя все это. Хуже всего было то, что он уйдет из этого мира в муках, а ей не позволят даже упокоить с миром его тело.

Она попрощалась с детьми, и через час они уже выехали. Поглядывая искоса, Изабелла Хэкер пришла к выводу, что спутнику ее лет сорок – на несколько лет меньше, чем ей самой, – и что он страдает от последствий некоей раны или врожденного изъяна, вынуждающего его ходить слегка прихрамывая. Он был широк в плечах, с короткими ногами, голос, когда ему доводилось пускать его в ход, звучал на удивление мягко. Назвался он Ричардом Нэйлером. И состоял, насколько она поняла, некоего рода клерком при Тайном совете. В седле Нэйлер держался хорошо. Больше мисс Хэкер сказать о нем ничего не могла.

День выдался жарким, вечер хранил еще тепло. Немногочисленные селяне прогуливались по дороге или стояли, лениво опершись о ворота домов. Заслышав цокот копыт, они поворачивались посмотреть, после чего тут же отводили взгляды. Люди, которые месяц назад снимали перед ней шапки и кланялись, теперь стеснялись или боялись признавать ее существование. Изабелла Хэкер могла быть благочестивой квакершей и хозяйкой поместья, но при этом оставалась женой революционера. Она с презрением смотрела на них.

Статерн-холл, самый большой дом в деревне, стоял близ церкви Святого Гутлака. Звон колоколов, отбивавших девятый час, как раз стих, когда хозяйка усадьбы свернула с дороги и въехала в открытые ворота. Бросалось в глаза, что за несколько недель, пока она отсутствовала, поддерживая мужа, огород успел зарasti сорняком. Трава вокруг фруктового сада походила на дикий луг. В сгущавшихся сумерках большой дом казался темным и покинутым.

Аккуратно ступая, лошадь довезла ее по подъездной дорожке до парадной двери. Миссис Хэкер спешила, привязала поводья к железной решетке у входа и, не оглядываясь на Нэйлера, достала из кармана ключ и отомкнула массивную дверь. Ей хотелось, насколько возможно, обойтись без помощи этого человека.

Она пересекла мощный каменными плитами пол и окликнула, есть ли кто наверху. Похоже, сбежали даже слуги. В холле слегка потемнело – это возникший на пороге Нэйлер загородил свет. Направляясь к кабинету мужа, женщина слышала за собой спешащие вдогонку шаги. Он явно намеревался помешать ей уничтожить в последнюю минуту какие-либо улики.

Воздух в кабинете был спертым. За окнами в свинцовых переплетах слышались трели соловьев. Она достала из ящика шкатулку, извлекла ключ, затем опустилась на колени перед сейфом. Документ она никогда не читала, но знала, как он выглядит. Отдай его этому человеку, спаси Фрэнсиса от палача-мясника, и пусть он уходит.

Нэйлер до последнего мгновения не позволял себе поверить, что документ еще существует. Никто не видел его одиннадцать лет. Опыт говорил, что отчаявшиеся люди способны сказать что угодно, лишь бы купить немного времени, а положение полковника Хэкера иначе как отчаянным не назовешь. Однако обьятая горем жена этого человека стояла в сумрачной комнате, обратив к нему узкую спину, роясь в деловых бумагах и отчетах по хозяйству. Наконец она извлекла нечто – Нэйлер не видел ясно, что именно, – и медленно поднялась.

Он ожидал увидеть, если документ действительно существовал, внушительный пергамент в стиле парламентского акта – свиток, соответствующий размаху преступления. Однако женщина протянула ему полоску бумаги дюймов в восемь или около того шириной, похожую на расписку о продаже лошади или бочки с вином, свернутую в трубочку и перехваченную потертой черной лентой. Но для своих размеров она оказалась многообещающе тяжелой. Пергамент, не бумага. Нэйлер поднес его к окну, в меркнушем свете развязал ленту и раскатал свиток на полную его длину в семнадцать дюймов. Смертный приговор Карлу Стюарту, королю Англии, Шотландии и Ирландии, врученный полковнику Фрэнсису Хэкеру, командующему охраной короля, в утро казни его величества, лично Оливером Кромвелем.

Нэйлер положил свиток на стол полковника, и он тут же свернулся снова, словно защищающаяся змея. Он сел, снял шляпу, положил сбоку, потом вытер ладони о куртку.

– Мне бы света, миссис Хэкер, если вас не затруднит.

Она вернулась в холл, к сундуку, где хранились свечи. Потребовалось какое-то время, чтобы высечь трясущимися пальцами искру при помощи кресала и кремня. Когда Изабелла Хэкер вернулась с двумя подсвечниками, то обнаружила гостя на прежнем месте: он неподвижно сидел за столом у окна, голова его силуэтом обрисовывалась на фоне багрового заката. Она поставила свечи. Он, не поблагодарив, придвинул их ближе и развернул свиток.

В тексте, как с интересом отметил Нэйлер, встречалось множество подчисток и исправлений. «О чем это говорит? – задумался он. – О спешке, наверное. О смятении. О сомнениях?» Он стал зачитывать документ вслух из стремления, чтобы он лучше отложился у него в голове, а не ради Изабеллы Хэкер, внимательно за ним наблюдавшей.

– «Поелику Карл Стюарт, король английский, обвинен и признан виновным в государственной измене и других тяжких преступлениях, вердиктом сего суда в минувшую субботу приговорен был к смерти через отсечение головы от туловища, и оный приговор предстоит еще исполнить, сим вам повелевается обеспечить, дабы был он приведен в действие на открытой улице перед Уайтхоллом, поутру тридцатого числа сего месяца января между десятью часами и пятью часами пополудни того же дня, во всей полноте...»

Жуткие, тяжкие слова вязли в горле. Нэйлеру пришлось откашляться и сглотнуть, прежде чем он смог продолжить:

– «...И для исполнения оного поручения сим предоставляются вам достаточные полномочия. Оные обязывают всех офицеров, солдат и прочих добрых людей народа английского оказывать вам содействие в службе. Скреплено подписями нашими и печатями...»

Нэйлер остановился.

– Вот и имена. – Он пробежал глазами по пятидесяти с лишним подписям, размещенным под текстом в разбивке на семь колонок. Рядом с каждым именем стояла красная восковая печать. Оттиски разметались подобно каплям крови.

– Но имени моего мужа среди них нет?

Взгляд его снова поднялся по перечню, выхватывая некоторые имена и фамилии. Грегори Клемент... Эдмунд Ладлоу... Томас Харрисон... Уильям Гофф...

– Нет. Он не подписывал.

Изабелла Хэкер выдохнула:

– Вот видите – он сказал правду. Он не числился среди судей короля и не приложил руки к смертному приговору.

– Да. Но имя его здесь все-таки есть. «Полковнику Фрэнсису Хэкеру, полковнику Нанксу и подполковнику Фейру». – Клерк перевернул пергамент тыльной стороной вверх и ткнул пальцем. – Приговор, по сути, адресован в том числе и в первую очередь вашему супругу. Именно поэтому, насколько могу предположить, он и находится в его доме.

– Но он всего лишь солдат, – возразила она. – Офицеру надлежит исполнять приказы, а не отдавать их.

– Это решать суду. – Нэйлер проворно убрал документ, на случай если она попытается его выхватить.

Хэкер надзирал за исполнением приговора. Вина его была начертана черным по белому. Жена все равно что накинула собственному мужу петлю на шею. Она, похоже, только что осознала это и покачнулась перед столом, а лицо у нее сделалось бледным, как воск свечи. Нэйлеру уже не терпелось как можно скорее избавиться от нее. Она свою роль исполнила. Он хотел без помех изучить приговор.

– Час поздний, миссис Хэкер. Вам пора на покой. – Он заметил в углу комнаты кушетку. – Я, с вашего позволения, проведу ночь здесь, а на рассвете уеду.

Изабелла Хэкер отказывалась смириться с таким ударом. С его внезапностью и жестокостью. Два дня в дороге, и чтобы все закончилось вот так.

– Но мы ведь исполнили то, чего требовали их светлости, мистер Нэйлер. Это ведь должно зачесться.

– Не в моих полномочиях это решать. Я предлагаю вам удалиться на покой и помолиться за своего мужа. – Рот его скривился в легкой улыбке. – В конечном счете, что бы ни случилось, всё в руках Господа.

Сколько раз приходилось ему слышать эту лицемерную формулировку в течение минувших одиннадцати лет? Посмотрим, как теперь это понравится самим пуританам.

Женщина продолжала смотреть на него, не отводя глаз. Этому человеку мало выследить, схватить и казнить врагов короля. Ему нужно еще и покуражиться над их судьбой. Но дьявол был исполнен гордыни в торжестве своем и не дрогнул. Он смотрел на нее в ответ до тех пор, пока она не повернулась и не вышла нетвердой походкой из кабинета, после чего поднялась по лестнице в свою спальню и рухнула в обмороке на пол.

Вопреки проведенному в дороге долгому дню, Нэйлер не испытывал ни голода, ни жажды. Приговор сполна заменял ему потребность в еде и пище. Сидя за столом полковника, он перечитал снова. «Отсечение головы от туловища... на открытой улице перед Уайтхоллом». Эти слова до сих пор повергали в трепет. Он раздвинул полы куртки, расстегнул рубашку и наклонил голову, чтобы снять кожаный шнурок, висевший у него на шее последние одиннадцать лет. К шнурку был прикреплен маленький мешочек. В нем хранился крохотный лоскут окровавленной материи. Он покрутил его в пальцах.

Он помнил о том дне в середине зимы все: как вышел на рассвете из Эссекс-хауса, студеный ветер с Темзы, дующий по Стрэнду мимо больших домов, выходивших к реке задрами, ощущение старого армейского ножа и пистолета, спрятанных под плащом. Все казалось ему нереальным. Отрубить голову помазанному Богом королю? Невозможно. Варварство. Свято-татство. Армия никогда такого не допустит. Или это остановит генерал Фэрфакс, командующий войсками Парламента, или тысячи затаившихся в городе роялистов поднимутся, чтобы

предотвратить преступление. Он, к примеру, был готов, если прикажут, отдать жизнь ради спасения суверена.

Потом он свернул у Чаринг-кросс к Уайтхоллу, и надежды его развеялись. Толпа на Кинг-стрит собралась достаточно большая, сотен пять или шесть, чтобы затеять беспорядки. Но солдат было больше – тысяча с лишним. Пикинеры вытянулись шеренгами плечо к плечу, оттесняя народ, затем кавалерия построилась в середине широкого проезда, готовая пресечь любые попытки подобраться к эшафоту. Сколоченный из досок помост, обтянутый черной тканью, примыкал к боковой стене Банкетного дома. Со стороны улицы лестницы не было. Попасть на помост можно было только через верхнее окно. Чей-то организованный ум, ум военного человека, очень тщательно все продумал.

Нэйлер протиснулся сквозь толпу. Праздничной атмосферы, свойственной публичным казням, не чувствовалось. Даже левеллеры, эти самые оголтелые из республиканцев, узнаваемые по лентам цвета морской волны, прикрепленным к плащам и шляпам, в кои веки держали рот на замке. Он прокладывал себе дорогу сквозь молчаливую массу людей, вдоль стены, отделяющей Уайтхолл от тильярда. Люди стояли на ней, чтобы лучше видеть, или сидели на краю, свесив ноги. Нэйлер заметил прогал, потребовал его пропустить, а когда никто не подвинулся, ухватил ближайшего человека за ноги, угрожая стащить его на землю, если ему не дадут места. У него была внешность борца. Они потеснились.

Стоя на парапете, он мог прекрасно видеть все поверх голов зрителей и солдат. До эшафота было ярдов тридцать. Большая часть окон Банкетного дома была заколочена, но одно на втором этаже служило выходом на помост. Время от времени офицер появлялся из него и делал обход, озирая сцену, затем прятался от холода, закрывая за собой окно. В середине платформы виднелись пять небольших предметов, и Нэйлер не сразу сообразил, для чего они. Один представлял собой очень низкую деревянную колоду, высотой едва ли с ладонь мужской руки, с железными обручами на концах и еще парой обручей, расположенных немного дальше. Эта штука явно приготовлена на случай, если король попытается сопротивляться или воззвать к толпе. Тогда его скуют по рукам и ногам и отрубят у лежащего голову. Снова работа предусмотрительного штабного ума. Варварство.

С наступлением дня теплее не стало. Солнце, способное смягчить колючий мороз, не показывалось, зато время от времени налетал снежный заряд, а нависающее небо было таким серым, что все дома казались бесцветными. Само время словно замерзло. Нэйлеру пришлось засунуть руки в карманы и притоптывать, чтобы ноги не онемели. Наконец в полумиле к югу колокол аббатства пробил девять часов. Старая рана в бедре болела так, как если бы кость скребли ножом. Голова у него сделалась пустой, как небо, – остались только боль в ноге, холод и ужас. Прошел еще час. Он насчитал десять ударов колокола, вскоре после чего послышался отдаленный барабанный бой, доносившийся откуда-то сзади, со стороны парка Сент-Джеймс. То был размеренный похоронный ритм. Спустя несколько минут он прекратился.

Нэйлер посмотрел направо, на ворота Холбейн. Поверх их арки крытый переход вел через улицу к Банкетному дому. За разделенными поперечиной окнами появились фигуры: сначала солдаты, за ними невысокий со знакомым профилем мужчина, который обернулся на миг, окинув взглядом толпу и эшафот, следом пара священников и, наконец, опять солдаты. В тот момент, когда он его узнал, весь воздух словно покинул тело Нэйлера. Мгновение спустя процессия скрылась. Но другие тоже ее видели, и из уст в уста передавали: «Он здесь!»

Но ничего так и не происходило. Пробило одиннадцать. Двенадцать. С каждой утекающей минутой надежды Нэйлера оживали. Слухи о причинах отсрочки бурлили в толпе. Говорили, что Палата общин ведет прямо сейчас дебаты и отменяет приговор, что король согласился отречься в пользу сына, что голландцы предложили уплатить полмиллиона фунтов в обмен на помилование. Нэйлер пытался не думать о том, что происходит в голове у короля,

сидящего в Банкетном доме. Само по себе омерзительно отрубать человеку голову, но куда более жестоко затягивать агонию.

Наступил и миновал час дня, затем, незадолго до двух, началось шевеление. Открылось окно, через него просочилась цепочка солдат с офицерами, следом показались палач и его помощник, облаченные в длинные черные плащи из шерсти и черные штаны. Лица их были спрятаны за черными масками в окружении плохо сидящих седых париков и фальшивых бород. Тот, что пониже, нес топор, положив длинную рукоять на широкое плечо. За ним появился епископ с раскрытым молитвенником.

Король выступил из окна последним – хрупкая фигура с непокрытой головой, ростом всего пять футов и три дюйма. Но держался он даже в эти последние минуты в привычной своей манере – так, что его можно было принять за великана. Король направился напрямик к низкой колоде, и было очевидно, что он выговаривает офицерам за это оскорбление его достоинства: ведь ему придется умереть, лежа на животе. Те переглянулись и покачали головами. Король повернулся к ним спиной. Достав из-под плаща клочок бумаги, он подошел к переднему краю эшафота. Обвел взглядом пехотинцев, кавалеристов и толпу за ними. Видимо, Карл понял, что слов его никто не услышит, поэтому вернулся на прежнее место и зачитал свою речь перед офицерами. Нэйлер ничего не разобрал, но на следующий день отпечатанную речь можно было купить на половине лондонских улиц. «Если бы я позволил себе вступить на путь произвола, меняя все законы силой меча, то не стоял бы сейчас здесь. И потому говорю вам (и надеюсь, что Бог не взыщет с вас), что я мученик народа...»

Король расстегнул плащ и скинул его, потом снял кафтан и передал епископу вкуче с каким-то блестящим украшением. Стоя на лютном холоде в белой рубашке, он убирал длинные волосы под шапку. И не дрожал. Он сказал что-то палачу и протестующе указал на колоду, пожал плечами, опустился на колени, затем растянулся во весь рост, повозившись, пока не пристроил шею поудобнее на плахе. Вытянул руки за спину. Палач расставил пошире ноги и как мог высоко занес топор над плечом. Прошло несколько мгновений, затем король сделал руками жест, грациозно выбросив их, словно собирался нырнуть, и лезвие опустилось с такой силой, что в тишине звук удара разнесся по всему Уайтхоллу.

Кровь хлынула из рассеченного туловища. Стоявшие вблизи солдаты подались в стороны, чтобы уклониться от кровавого фонтана. Наконец поток превратился в ровную струйку, словно из откупоренной бочки. Палач, все еще держа топор, поднял голову за волосы, вышел вперед и показал лицо короля толпе. Он выкрикнул что-то, но слова потонули в могучем реве зрителей, в котором смешались возбуждение, ужас и отчаяние. Некоторые из собравшихся ринулись вперед, через строй пикинеров, которые повернулись, чтобы поглазеть на зрелище, и заматались между кавалеристами. Нэйлер спрыгнул со стены и устремился через Уайтхолл за ними.

Кровь уходила под помост, просачиваясь между досками. И падала крупными каплями, какие предвещают начало ливня. Люди вокруг Нэйлера сталкивались и скользили. Он держал перед собой платок и смотрел, как алые пятна – одно, второе, третье – расплываются по льняной материи, образуя одно большое пятно. Затем протолкался назад, под послепопуденное зимнее небо, прошел по Уайтхоллу и обратно по Стрэнду до часовни Эссекс-хауса, где его патрон маркиз Хартфорд стоял вместе с семьей на коленях перед алтарем в ожидании новостей.

За годы кровь мученика выцвела до пятна бледно-ржавого цвета. Быть может, однажды она исчезнет совсем. Но Нэйлер дал клятву: пока она существует, изо всех своих сил мстить за события того январского дня. Он поцеловал ткань, бережно свернул, снова сунул в мешочек и надел шнурок на шею, чтобы реликвия всегда находилась рядом с сердцем.

В кабинете было теперь темно, если не считать мерцающего озера света от свечи. Птицы за окном перестали петь.

Он пересчитал подписи под приговором. Их было пятьдесят девять. Часть имен была на слуху, часть нет, но все они стали знакомы ему за те десять недель, пока он шел по следам этих людей, роясь в пыльных записях о суде над королем. Однако одно дело знать, что некий человек заседал в жюри, вершившем суд над Карлом Стюартом в Вестминстер-холле в такой-то день, и совсем другое – получить доказательство, что руки этого человека действительно запачканы в крови. Этот ордер представлял наконец неопровержимые свидетельства вины. Скользкий полковник Ингольдсби, например, уже сознался, что подписал. Но при этом он утверждал, что его заставили силой и что Кромвель, потешаясь над его колебаниями, сунул перо ему между пальцами и сам водил его рукой. Однако вот она, подпись Ингольдсби, в пятой колонке, четкая, разборчивая и неторопливая и рядом с ней аккуратный оттиск его печати.

Нэйлер перенес внимание на фамилии в верхней части начальной колонки. Первой стояла подпись Джона Бредшоу, мелкого адвокатишки, вознесенного до председателя суда. Он так боялся, что его убьют во время слушаний, что надевал под мантию кирасу и ходил в пуленепробиваемой шапке из стали под бровным мехом. К счастью для него, он вот уже год как умер, избежав тем самым возмездия. Вторая подпись принадлежала Томасу Грею – лорду Грею из Гроуби, «лорду-левеллеру», – человеку слишком радикальному даже для Кромвеля, со временем упекшего его в тюрьму. Он тоже мертв. Третьим расписался сам Кромвель, истинный архитектор всего этого дьявольского процесса. Он также труп и, несомненно, горит в аду. Зато четвертая подпись, непосредственно под кромвелевской, принадлежала человеку, который, насколько Нэйлер знал, был еще жив и с которым он хотел познакомиться поближе.

Нужно начать новый список.

Нэйлер достал из стола Хэкера стопку бумажных листов, окунул перо в чернильницу и вывел твердой рукой: «Полковник Эдв. Уолли».

Глава 3

Трое сыновей Гукинов делили комнату в задней части дома. Из нее открывался вид на деревню Кембридж, а за ней – на нависающие крыши, широкие дымовые трубы и тонкий шпиль Гарвардского колледжа, похожий в свете послеполуденного солнца на позолоченное копье. Когда Мэри торопливо вошла, полковник Уолли и полковник Гофф стояли у окна и разглядывали окрестности, а их, в свою очередь, разглядывали Дэниел, Сэм и Натаниэль. У ног офицеров стояли, надо полагать, их старые армейские сумки. Женщина подметила потертую кожу, местами зашитую и залатанную. Для путешествия через полмира багажа маловато, подумала она. Видимо, уезжали они в спешке.

– Мальчики, ступайте вниз и оставьте джентльменов в покое.

– Но, мама...

– Вниз!

Дети сбежали по ступенькам, болтая и беспрестанно топоча.

– Мальчики живут в этой комнате с самого рождения, – сказала Мэри. – Что бы ни пообещал мистер Гукин, вы уж меня простите, но я думаю, что лучше им остаться здесь.

– Они славные парни, – сказал полковник Уолли. – Напоминают мне меня самого в их возрасте.

Он отвернулся от окна, и ей впервые удалось хорошо рассмотреть его лицо. Прямой нос, темные глаза, седая борода с черными прожилками.

– Мы не собирались отбирать у них кровати.

– Я не хочу показаться негостеприимной...

– Не волнуйтесь. – Полковник поднял взгляд к потолку. – Что там, наверху? Чердак?

– О, всего лишь каморка слуги.

– У вас есть слуга? Я как-то не заметил.

– Теперь нет, – призналась женщина. – Но на чердаке совсем не уютно.

– После корабля он нам покажется дворцом.

Оба офицера взвалили свои сумки на плечи. Полковник Уолли явно был джентльменом по рождению: вежливый, привыкший к уважению, таким не просто возражать. Мэри замялась, но, не найдя новых аргументов, поняла, что у нее нет иного выбора, кроме как проводить мужчин на площадку и подняться по узкой лестнице.

Чердак тянулся по всей длине дома. Потолок у него был скошенный под уклон крыши, и Уолли, будучи на голову выше зятя, мог стоять во весь рост только в центральной части. Но даже там ему пришлось наклонить голову, пока он шел к окну, чтобы не удариться о балки. Он открыл задвижку, высунулся из окна, посмотрел по сторонам, потом втянул голову обратно.

– Превосходно. Нам здесь будет очень удобно, правда, Уилл?

– Конечно. И мы хотя бы будем реже мешать вам, миссис Гукин. Мы очень сожалеем о нашем неожиданном вторжении.

Женщина с сомнением оглядела узкое, тесное помещение. Здесь стояла единственная деревянная кровать, которую гостям предстояло делить, с соломенным матрасом, слишком коротким для Уолли, у которого наверняка будут свисать ноги. В дальнем темном углу стояли еще кое-какие предметы мебели, выведенной из употребления. Среди прочего там должны найтись старое кресло и сундук. Она сдалась.

– Берите все, что вам понадобится. Девочки принесут вам простыни и одеяла.

– Весьма любезно. – Полковник Уолли опять вернулся к окну. Он достал из-под плаща небольшую подзорную трубу, раздвинул ее, навел на резкость и обозрел реку. – Этот мост существенно ускорит путь из Бостона. На строительстве работают человек тридцать. Когда обещают закончить?

– Говорят, что через полгода.

– Получается, в январе. – Ответ, похоже, удовлетворил полковника. – Превосходно, – повторил он. И резким движением сложил трубу.

Дэниел Гукин был в спальне – лежал на постели, широко раскинув руки, закрыв глаза, и крепко спал. Не удосужился даже снять сапоги. Мэри склонилась над мужем и некоторое время смотрела на него. Ему исполнилось сорок восемь, с момента отъезда он похудел. Седина на висках стала более заметна. Ее захлестнула волна любви. Полковники были не первыми, кому ее супруг помогал в час нужды, и наверняка не будут последними. Им даже местных индейцев доводилось привечать под своей крышей. Дэниел очень радел за приобщение туземцев к Священному Писанию. Неосторожные его поступки проистекали исключительно из доброты сердечной. Она опустила перед кроватью на колени и начала расшнуровывать его сапоги. Он почувствовал шевеление, открыл глаза, приподнял голову и посмотрел на нее.

– Оставь сапоги в покое и иди ко мне.

– Наберитесь терпения, мистер Гукин.

Она закончила возиться со шнуровкой, ухватила за каблук и стащила сапог, затем проделала то же самое со вторым. За время его отсутствия у нее настал климакс. Детей больше не будет, и это ее очень радовало. Пятнадцати беременностей было более чем достаточно. Задрав юбку, она взобралась на кровать.

Минут десять спустя над их головами что-то громко стукнуло, затем еще, после чего послышался скрежет, какой производит тяжелый предмет, когда его волокут по полу.

Гукин поглядел на потолок.

– Ты поселила их на чердаке?

– Они сами так захотели. Ты против? – Она слезла с постели и принялась разыскивать сброшенное на пол белье.

– Нет, если их это устраивает.

– Если ты их так любишь, то пусть спят здесь, с нами.

Он рассмеялся и попробовал ее схватить, но она уклонилась и закончила одеваться.

На чердаке снова что-то гроыхнуло.

– Как ты с ними познакомился, Дэн?

Гукин спустил ноги с края кровати на пол.

– Помнишь почтенного Хука из Нью-Хейвена, который вернулся в Англию несколько лет назад?

– Конечно.

– Его жена приходится полковнику Уолли сестрой. Когда Хук прознал, что я собираюсь отплыть в Америку с капитаном Пирсом, то попросил меня устроить проезд для своего зятя. А потом Нед уговорил Уилла присоединиться к нам. Тот не хотел – он недавно женился.

– И с чего им так срочно пришлось уехать?

– Коротко говоря, сын короля вернулся на трон по приглашению Парламента, армия согласилась, по большей части. Так что Англия больше не республика.

Обрушившаяся новость была такой ошеломительной и важной, что ей пришлось присесть на кровать рядом с мужем, чтобы ее осмыслить.

– Как армия на такое пошла? – спросила она немного погодя.

– В Парламент внесли новый закон, который назвали Законом забвения. Прошлое забыто. Амнистия даруется всем, кто поднимал оружие против прежнего короля. За одним исключением. Все цареубийцы, как их прозвали, – те, кто принимал непосредственное участие в суде над Карлом Стюартом и в его казни, – обязаны сдать и предстать перед судом. – Он взял жену за руку. – Вот тебе и вся история, проща некуда. Случилось это десять недель назад.

Наш корабль первый принес в Бостон эти вести. Вот почему, едва мы сошли на берег, я отправился к губернатору.

– И сколько этих цареубийц с тобой приехало?

– Только двое.

– А остальные?

– Некоторые уже бежали в Голландию. Большинство залегло на дно в Англии. Иные собираются явиться с повинной в надежде на милосердие. Как раз когда мы отплывали, начали закрывать порты. Теперь им трудно будет улизнуть. – Он сжал ее пальцы, как если бы надеялся, что через его твердую хватку в нее вольется часть его силы и уверенности. – Они хорошие люди, Мэри. Нед доводился Кромвелю кузеном. Руководил кавалерией во время кампании против шотландцев. Уилл командовал пехотным полком. Им надо отсидеться в безопасном месте, пока страсти не улягутся. Бояться нечего. Никто не знает, что они здесь, кроме нас с тобой и губернатора.

– Полковник Уолли – кузен Кромвеля? Ах, Дэниел! – Она отдернула руку. – Страсти никогда не улягутся. Они обязательно придут за ними. Тут даже сомневаться не стоит.

Над головами у них перетаскивали на место новый предмет мебели. В ее воспаленном воображении это звучало так, будто беглецы уже строят баррикаду.

Ниже по течению реки рабочие закончили дневные труды. Оба берега опустели. Вода маняще поблескивала в лучах солнца. Нед, стоя на посту у окна, ощутил прилив удовлетворения. Ему нравилась семья Гукин. Нравилось это место. Америка – очень славная страна для них.

За спиной у него Уилл раскладывал на постели их арсенал: четыре фитильных пистолета, два мешочка с порохом, ящичек с пулями, два ножа, пара сабель. Со времени прихода в этот дом Гофф почти ничего не говорил.

– Брось это, Уилл. – Нед порылся в своей сумке, достал пару чистых рубашек и кинул одну ему. Последние четыре месяца они были неразлучны. Лицо зятя стало для Уолли открытой книгой, он с легкостью читал, что у него на уме. – Пойдем к реке. Нам не мешает смывать с себя соль.

Уилл поглядел на него с сомнением:

– А если нас увидят?

– Там нет никого. А если кто и увидит, то что? Двое мужчин купаются, только и всего.

– Не спросить ли нам сначала у Гукина?

– Он наш гостеприимный хозяин, а не тюремщик. Губернатор сказал, что здесь нам можно будет перемещаться свободно. – Нед сделал шаг вперед, положил Уиллу руки на плечи и слегка встряхнул его. – Ты снова увидишь жену и малышей, я в этом уверен. Мою милую Фрэнсис и внуков. Господь не допустит, чтобы злодеи восторжествовали надолго. Мы должны запастись терпением и верой.

Уилл кивнул:

– Ты прав. Прости меня.

– Хорошо.

Они вместе убрали оружие в сундук, который прикрыли одеялом, затем сошли вниз. Двери обеих спален, расположенных друг напротив друга на лестничной площадке, были закрыты.

Мэри, сидя на кровати, слушала, как скрипят под ногами гостей половицы.

– Что дальше, как думаешь? – шепотом спросила она.

Гукин покачал головой, не имея понятия.

Два офицера миновали гостиную, вышли через парадную дверь, затем через калитку и направились по склону к реке.

Прямо с борта «Благоразумной Мэри» Гукин повел их к дому губернатора Джона Эндикотта. Это был пожилой человек в кружевном воротнике и черной шапке, он показался Неду выходцем из Англии времен королевы Елизаветы. Они вручили ему рекомендательные письма: Уилл от Джона Роу и Сета Вуда, проповедников из Вестминстерского аббатства, а Нед от доктора Томаса Гудвина, священника индипендентской церкви на Феттер-лейн. Пока старик изучал их, поднося к самому носу, Нед вкратце описал обстоятельства их бегства: как в течение двух дней в Грейвсенде им пришлось прятаться в трюме корабля, пока народ в порту ликовал, празднуя скорое возвращение Карла II, сына покойного короля. От множества костров небо над городом окрасилось сатанинским багрянцем, а воздух наполнился шумом пьяного разгула и запахом жарящегося мяса. Увеселения прекратились в неподобающе поздний час в воскресенье. А в понедельник, когда стало известно, что Парламент внес их с Уиллом имена в списки разыскиваемых в связи со смертью Карла I, капитан Пирс отдал приказ выходить в море.

– Если бы не присутствующий здесь наш добрый друг мистер Гукин, нас бы непременно схватили, – подвел черту Уолли.

– Так вы оба судили короля?

– Да, и подписали смертный приговор. И буду честным с вами, мистер Эндикотт, поскольку я не привык жить под ложной личиной. Мы сделали бы то же самое завтра.

– Вот как? – Эндикотт отложил письма и впился в двух посетителей слезящимися глазами, бесцветными, как устрицы. Потом ухватился за край стола и под аккомпанемент хрустящих суставов поднялся. – Тогда позвольте пожать руки, подписавшие тот документ, и добро пожаловать в Массачусетс. Здесь вы окажетесь среди верных друзей.

Они приглядели местечко неподалеку от дороги, где течение реки подмыло часть берега и образовалась естественная запруда. Ветви деревьев спускались почти до самой воды. Кто-то привязал к суку веревку, чтобы можно было качаться. Длинная зеленая стрекоза – таких диковинных им в Англии видеть не доводилось – порхала среди стеблей камыша. Где-то в листве ворковали вяхири. Нед стянул сапоги и ступил ногами в освежающий поток, потом сбросил покрытую коркой морской соли одежду и голышом зашел в реку. И вскрикнул от охватившего его холода. Он окунулся по шею, и прошло с минуту, прежде чем тело привыкло к температуре. Стоявший на берегу Уилл снял сапоги и кожаную куртку, но явно колебался. Нед подошел ближе, зачерпнул в ладони воды и плеснул на зятя. Уилл рассмеялся, приплясывая и возмущенно вопя, потом стянул через голову рубашку и проворно избавился от остальной одежды.

Ну и вид, должно быть, у них, подумал Нед. Со своей мертвенно-бледной кожей, покрытой боевыми шрамами, они похожи среди этой буйной зелени на призраков. Ему доводилось видеть трупы, которые выглядели лучше. И спереди и сзади их тела были испещрены рубцами и отметинами. На животе Уилла остался неровный след от удара роялистской пикой под Нейзби, а у него самого была уродливая впадина размером с кулак под правым плечом, образовавшаяся после падения с лошади под Данбаром. Уилл стоял у самого края воды, подняв руки над головой. В свои сорок два он оставался стройным, как юноша. К удивлению Неда, зять бросился в воду рыбкой. Он скрылся под поверхностью воды, но через мгновение вынырнул. Ну есть ли более приятное ощущение, нежели это – смыть с кожи застарелые соль и пот в чистой воде в летний день? Хвала Богу, хвала Богу во всей славе Его за то, что благополучно привел их в это место! Нед пошевелил пальцами ноги мягкий ил. Минули годы с тех пор, как ему доводилось купаться. На воде он всегда держался плохо, даже когда был мальчишкой. Однако он вытянул руки и распластался на поверхности, а затем перекатился на спину. Перед мысленным его взором предстала Кэтрин, и на этот раз он не пытался отогнать видение, а позволил ему обрести форму. Где она? Что с ней? Четыре года прошло с того дня, как с ней приключился

выкидыш и она чуть не умерла, а физическое и душевное ее здоровье так и не восстановилось полностью. Но какой прок изводить себя несбыточными грезами, как это каждую ночь делает Уилл? Один из них должен быть сильным. Они обязаны остаться в живых, не для себя, но ради общего дела. Цитата, убедившая в итоге Уилла последовать за ним, была из заповеди Христа ученикам: «Когда же будут гнать вас в одном городе, бегите в другой. Ибо истинно говорю вам: не успеете обойти городов Израилевых, как придет Сын Человеческий»¹.

Перевернувшись обратно на живот, Нед обнаружил, что берег уже довольно далеко. Гребя к земле, он чувствовал, как сильное течение пытается увлечь его к Массачусетскому заливу. Уилл стоял по пояс в воде и, уперев руки в бока, наблюдал за ним. Нед приподнялся на миг и помахал ему, но тут же заметил в тени деревьев за спиной зятя фигуру человека. Разглядеть незнакомца было трудно. Он был одет в черное, с темными волосами и темной бородкой и стоял совершенно неподвижно. Не успел Нед толком его рассмотреть, как понял, что его снова сносит. Течение было таким сильным, что могло утащить его обратно в Англию, только позволь. Пришлось ему опустить голову и поплыть – поплыть напряженно, на грани паники, загребая руками и молотя ногами, чтобы не утонуть. Когда ступни его наконец коснулись илистого дна и он смог встать, тот человек исчез.

Нед выбрался из реки и упал на траву. Дыхание сбилось, сердце стучало. Уилл прошлепал по воде и со смехом склонился над ним.

– Слово даю, никогда в жизни мне не доводилось видеть столь стремительного пловца! Вид у тебя был такой, словно за тобой Левиафан гнался!

Это был звук, которого Нед давно уже не слышал, – смех Уилла. Он приподнялся на локтях, закашлялся и изрыгнул добрый глоток речной воды. Посмотрел на деревья, листва которых шуршала на легком ветру. Возможно, та фигура существовала лишь в его воображении. Он решил ничего не говорить, чтобы не портить зятю хорошее настроение.

– Эта река прямо как тот человек, в честь которого ее назвали². С виду вполне себе дружелюбная, но исподтишка готова тебя убить.

Уилл снова расхохотался, протянул ему руку и помог встать. Они обсушились на солнышке, надели чистые рубахи и зашагали по пустынной дороге по направлению к дому – двое английских царевушек, рука об руку.

Миссис Гукин, облачившись в передник, хлопотала на кухне, готовя ужин, когда Нед просунул под притолоку голову и спросил, не найдутся ли у нее в хозяйстве ножницы и метла. И если да, то нельзя ли их позаимствовать?

Разумеется, ножницы у нее имелись, с лезвиями острыми, как перочинный нож, ну и метла, конечно, тоже. Она принесла их из чулана.

– А нет ли, случайно, зеркальца?

Она дала и его и стала смотреть, как полковник взбирается по лестнице. На пороге, где он только что стоял, осталось мокрое пятно.

– Сколько они у нас пробудут, мама? – спросила Элизабет, накрывая на стол.

– Сколько им захочется. Твой отец совершенно непоколебим в этом отношении.

– Но зачем они приехали из Англии в Массачусетс? По государственному делу?

– Довольно вопросов. Принеси-ка воды.

На чердаке Нед придвинул стул к окну, предложил Уиллу сесть и принялся подстригать ему волосы. Они были в бегах с апреля. Полтора месяца в Англии, ночуя в чужих домах, в амбарах и под живыми изгородями. Парламент объявил их в розыск за попытку поднять армию

¹ Мф. 10: 23. – Здесь и далее примечания переводчика.

² Река Чарльз, названная в честь короля Карла. *Карл* – латинская форма английского имени Чарльз, употребляемая для коронованных особ.

против сделки о возвращении изгнанного Карла II. Потом десять недель проболтались на вонючем корабле. Темные локоны сыпались с Уилла горстями.

– Может, достаточно, Нед? – запротестовал он спустя какое-то время. – А то буду лысый, как яйцо.

– Пока недостаточно, чтобы выглядеть респектабельно, а именно такой вид мы должны приобрести. Если будем выглядеть как беглецы, то и обращаться с нами будут соответствующим образом. Переходим к лицу, солдат. Пришло время расстаться с бородой.

Присев перед Уиллом на корточки, он занялся спутанной массой волос, доходившей зятю почти до груди. Ножницами полковник работал ловко. Давным-давно, в двадцатые годы, еще до войны, он был учеником в торгово-портняжной компании, постигая все тонкости работы с тканями, и пальцы до сих пор помнили навыки обращения с инструментом.

Лицо, проступившее, когда бо́льшая часть бороды исчезла, было мужественным и умным, исполненным духовной силы – такому лицу место на страницах «Книги мучеников» Фокса³, подумал Нед. И его молодой спутник как раз бы в нее попал, не убедил он его бежать.

– Вот сейчас хватит. – Нед показал зятю результат своих трудов в зеркале, вручил ему ножницы и занял место на стуле. – Теперь приведи в порядок меня.

Уилл замялся. Его тесть всегда отличался изысканным вкусом, начиная от расшитых жилетов и дорогих туфель и заканчивая роскошным домом на Кинг-стрит близ дворца Уайтхолл. Не одни левеллеры упрекали полковника в тщеславии. Старик наверняка тоскует, лишившись всего, но не произнес до сих пор ни единой жалобы. Под тяжестью событий минувшего года волосы его стали почти совсем седыми.

Он осторожно щелкнул ножницами.

– Смелей, Уилл, – весело скомандовал Нед. Но когда обрезки посыпались на пол, он заметил, что они цвета гусиных перьев, а посмотревшись в зеркало, с ужасом осознал, что стал седым, как те старые солдаты-роялисты, что просят милостыню в Лондонском Сити. И отложил зеркало.

Спустившись через полчаса в кухню на ужин, они предстали перед хозяевами в совершенно преображенном облике. Гости избавились от вонючих армейских курток из кожи. От вымытых в реке тел веяло чистотой. Сидящие за столом среди семейства Гукинов двое мужчин в рубашках ничем не отличались от прочих английских обитателей Массачусетса. И слава богу, подумалось Мэри Гукин. Быть может, им удастся-таки не привлечь к себе внимания.

Дэниел склонил голову:

– Благословенно имя Твое, о Господь, за щедрые дары, которыми питаешь Ты нас в час сей. Прости нам грехи наши и слабости, обереги и сохрани Церковь Твою в эти времена испытаний и пошли нам здоровье, мир и истину, ради Христа, единственного нашего Спасителя. Аминь.

– Аминь.

Дэниел поднял глаза, улыбнулся и простер руки.

– Ешьте.

Ужин был довольно скромным: свежее испеченный хлеб, сыр, маринованный язык. Гости поглощали еду, как люди, умирающие с голоду. Тем не менее они старались не забывать о хороших манерах, отламывая хлеб по кусочку и прожевывая каждый, прежде чем отправить в рот следующий. Дэниел поставил на стол кувшин с пивом. Нед согласился, а Уилл отказался.

– Отец Уилла был проповедником, который придерживался строгих пуританских правил, – пояснил Дэниел причину такого воздержания жене.

³ «Книга мучеников» Фокса, или «Акты и памятки», – исторический труд Джона Фокса, впервые опубликованный в 1563 г. протестантским печатником Джоном Дзем, это мартиролог, повествующий об истории протестантизма.

– Это так, полковник Гофф? – вежливо осведомилась она.

Уилл проглотил кусочек хлеба, прежде чем ответить.

– Весьма строгих. Он отказывался совершать крестное знамение во время крещения, не позволял обмена кольцами во время бракосочетания и не облачался в стихарь. Он подписал петицию к королю с осуждением подобных практик, за что потерял место в Сассексе. Ему пришлось перебраться в Уэльс.

– А это для любого человека страшное наказание, – вставил Нед.

Уилл усмехнулся и покачал головой.

– Вы уж простите его, миссис Гукин. Я за годы натерпелся от его шуток. Дело в том, что я родом из Уэльса – это, наверное, заметно по моему говору.

Мэри улыбнулась:

– В таком случае вы-то, полковник Уолли, не из валлийцев?

– Нет, слава богу. Я ноттингемширец. – Нед отхлебнул глоток пива. – Но валлийцы – прекрасные проповедники, стоит отдать им должное. Присутствующий здесь Уилл одарен настоящим талантом. Оливер считал его лучшим оратором во всей армии.

Оливер. То, с какой фамильярностью было обронено это имя, заставило всех за столом приумолкнуть, и Гукин не сдержался.

– Нед приходился лорду-протектору двоюродным братом, – пояснил он детям.

И сразу пожалел об этом. Мэри обожгла его взглядом, тогда как отпрыски оживились.

– Какой он был?

– Вы часто с ним виделись?

– Расскажите нам о прозекторе, Нед...

Нед рассмеялся, вскинув руки:

– Слишком много вопросов сразу.

– Но вы хорошо знали его светлость?

– О да, да, весьма неплохо.

Он мог бы добавить, что они родились с разницей в один год, с детства дружили, вместе учились в университете, вместе катались верхом, охотились и играли в карты – дело было до обращения Оливера. Что они жили в одном доме в Лондоне, пока не создали свои семьи, что Оливер убедил его стать солдатом и в итоге продвинул до должности генерального комиссара всей английской кавалерии. Что они вместе сражались под Марстон-Муром и Нейзби, а также в дюжине других битв, что во время правления Кромвеля он возглавлял военную охрану протектора, что находился рядом с ним в последние минуты его жизни. И что, если бы не Оливер, он вел бы скучное существование торговца сукном и незадачливого земледельца, не подписал бы смертный приговор королю, а значит, не оказался бы на склоне лет здесь, на другой стороне мира, вынужденный спать на чердаке.

Но вместо всего этого он сказал:

– Мы поговорим о нем как-нибудь в другой раз.

– Быть может, вы почтите нас лекцией в нашем доме собраний, Уилл? – вставил Гукин, чтобы переменить тему. – Мы будем рады услышать ваши наставления.

– Разумно ли это? – спросила Мэри. – Стоит ли им показываться так свободно на людях?

– Верное замечание, – согласился Уилл и вопросительно посмотрел на Неда. – Да и я давно уже утратил навык говорить публично.

– Мы приехали в Кембридж, чтобы жить среди мужчин и женщин одного с нами образа мыслей, – сказал Нед. – Если они приглашают нас изучать Священное Писание вместе с ними, то так мы и поступим, иначе зачем мы здесь? Помимо прочего, миссис Гукин, хоть ваш чердак и превосходное место, мы не можем провести остаток жизни подобно пленникам, заточенным в одной комнате.

Мэри открыла рот, собираясь что-то сказать, но передумала.

Когда с трапезой было покончено, офицеры пожелали хозяевам доброй ночи и удалились на чердак.

Нед стоял, покуривая трубку, и смотрел на реку, свинцово-серую в гаснущем свете. Черные сваи неоконченного моста торчали из воды, словно шпангоуты потерпевшего крушение судна во время отлива. Он распахнул окно. Легкое дуновение ветра рассеяло облачка дыма. В былые времена в этот час вечера он зачастую выходил из дома, стоявшего по соседству с дворцом Уайтхолл, чтобы выкурить по трубочке вместе с протектором. Табак тот любил почти так же сильно, как музыку, – бывали случаи, что, услышав чью-то игру или пение, Кромвель покидал свою резиденцию, ходил по улицам, а найдя источник звука, останавливался и слушал со слезами на глазах.

«Если хотите знать, каким он был, то как вам такое – нечто, чего вы вряд ли могли ожидать».

Уилл сидел поблизости за столом, склонившись над карманным блокнотом, в котором вел свой дневник. Писал он с сокращениями, из соображений как секретности, так и экономии бумаги. Ему удалось захватить с собой всего несколько блокнотов, и он понятия не имел, сумеет ли раздобыть еще.

27 июля 1660 г. Мы встали на якорь между Бостоном и Чарльзтауном, между 8 и 9 утра. Все в добром здравии благодаря простертой над нами деснице Бога. Ах! Эти люди должны возблагодарить Господа за милость Его, как в псалме 107: 21 и т. д.

Уилл слишком устал, чтобы писать больше. Он подул, чтобы чернила высохли, потом опустился перед кроватью на колени, помолиться о Фрэнсис и их пятерых детях. Старшему было всего шесть, младшая родилась, когда он был уже в бегах, и ему не довелось даже увидеть ее. «Дик, Бетти, Фрэнки, Нэн и Джудит... обереги их, Господи, и сохрани от всякого зла, и даруй им божественную Твою милость». Нед прав: безумие думать о них слишком часто. Нужно верить, что они снова встретятся. Их разлука не что иное, как Божий замысел. Но вид детей Гукинов неизбежно навел его на мысль о собственных чадах. Однако он обнаружил, что с каждым днем образы их становятся все более расплывчатыми. Малыши, должно быть, уже научились ходить и разговаривать. Они наверняка совсем не такие, какими он их запомнил. Уилл видел их словно сквозь туман.

Частый стук вернул его к реальности. Это Нед выбивал трубку о подоконник. Усталость туманила Уиллу голову. Все, что он мог, – это повалиться в кровать. Странное было чувство – лежать на матрасе, а не в гамаке: нет качки, не слышно топота и криков с палубы. Тишина. Он только краем сознания уловил, как скрипнул матрас, когда Нед растянулся рядом, и почти в ту же секунду провалился в глубокий сон.

Глава 4

Ричард Нэйлер вышел из Статерн-холла рано утром в субботу, с первыми лучами света. Предосторожности ради он сунул за пояс пистолет. Вполне вероятно, что во владении полковника Хэкера осталось оружие. Кто знает, на что способна его жена в приступе отчаяния? Он тихонько притворил за собой дверь.

Нэйлер отвязал лошадь и принес ей ведро воды. Пока она щипала траву в саду, он завернул смертный приговор в кусок ткани, бережно уложил в одну из седельных сумок и крепко затянул завязку. Перед тем как сесть в седло, он бросил последний взгляд на дом. Окна его были темными и пустыми, безжизненными, как в мавзолее. К пяти он был уже в дороге.

Летним утром он мчался галопом, наклонившись вперед в седле, – локти прижаты к коленям, глаза устремлены вдаль – по извилистым пустым улочкам, через только начинающие пробуждаться деревни и не сбавляя хода, пока не оставил Статерн-холл милях в двух позади. К девяти он был у развалин древнего римского форта, отмечающего перекресток Фосс-Уэй и Уотлинг-стрит. Старинная дорога шла прямо на юг.

В течение дня он дважды менял усталых коней – сначала в Бербедже, затем в Таустере – и придержал лошадь только после полудня, когда понял по мильным столбам, что проезжает мимо поля боя под Нейзби. С милю или две ехал он неспешной рысью по плоской нортгемптонширской равнине, пытаясь узнать место, памятное по тому кошмарному июньскому утру пятнадцать лет назад. Где-то тут кавалерия принца Руперта шла вверх по склону в атаку на врага, продираясь сквозь заросли дрока и кроличьи сажки, но напоролась на тысячу железно-боких, которые с кличем «Господь – наша сила!» вынырнули из утреннего тумана и ударили ей во фланг. Командовал ими, как позже он узнал, полковник Эдвард Уолли. Нэйлер успел сделать выстрел, а затем конница круглоголовых врезалась в их передовую линию, и скакун под ним рухнул.

Весь день пролежал он среди мертвецов, придавленный убитой лошадью, истекающий кровью, с разбитыми ребрами и сломанным бедром, не в силах пошевелиться, и слушал, как стонут и умирают его раненые товарищи. К приходу темноты он впал в беспамятство. Следующее, что он помнил, это грохот выстрелов и боль от чего-то острого, упершегося в грудь. Когда он открыл глаза, над ним стояли два мушкетера, круглоголовые, с заряженными ружьями, и обсуждали, стоит его прикончить или нет.

– Погоди-ка, – произнес один. – Он на нас смотрит.

Они погрузили его в телегу, и он выжил, хотя в течение последующих месяцев часто сожалел об этом. Но как бы то ни было, вот он теперь, живой и на победившей стороне, и уж он-то не совершит ошибки, поддавшись милосердию.

Нэйлер пришпорил коня и возобновил скачку на юг – шлейф пыли, ярость возмездия.

Ночь он провел в Сент-Олбансе, в двадцати милях к северу от Лондона, разделив кровать в гостинице «Белый олень» с двумя другими путниками: торговцем зерном из Линкольна и пехотным капитаном, возвращающимся в свой полк в Йоркшире, и уехал в воскресенье, пока оба еще храпели. К середине утра, когда он ехал по Ладгейт-Хилл через Лондонский Сити, колокола собора Святого Павла звенели у него в ушах, как бы приветствуя его возвращение домой с триумфом. Он направился напрямик в Вустер-хаус на Стрэнде, но не успел проделать и десяти шагов от входа, как был остановлен одним из стражников лорд-канцлера.

– Ричард Нэйлер, – отрапортовал он. – К сэру Эдварду Хайду.

Он был грязный, небритый, держал в руке пыльную седельную суму, обильно потел из-за боли в старых ранах и одышки. Нэйлер попытался пройти мимо стражника, но тот тут же заступил ему дорогу.

– Сэр Эдвард на богослужении вместе с семьей.

– Ну, значит, пусть примет меня, как только освободится.

Стражник смерил его взглядом:

– Тебе известно, что сегодня день отдохновения?

– Мне известно, что ты болван. Передай ему, что приговор у меня, – слово в слово, уяснил? Он поймет, о чем речь.

Дохрамав по коридору до приемной, он опустился в кресло. Грубость стражника его не задела. Он привык к тому, что его не узнают. И ему это даже понравилось. Без официальной личины действовать удобнее. Люди говорят свободно и выдают себя. До назначения на теперешнюю должность Нэйлер состоял доверенным секретарем при маркизе Хартфорде. Когда король вернулся на трон, именно маркиз выхлопотал ему место в новом правительстве в награду за долгие годы верной службы.

Он мог выбрать любой пост в пределах разумного: в казначействе, в военно-морском ведомстве, при Верховном суде, но попросился в Тайный совет, а особенно в тот его комитет, что был создан для поиска цареубийц. Эта работа его устраивала. Жены и детей, способных отвлечь от дела, у него не было. Времени на безделье – тоже. Его репутация укреплялась. Он стал одной из тех теней, что перемещаются безлико по внутренним коридорам и палатам заседаний всех народов во все века, – словечко там, предупреждение здесь, рассказанная по секрету новость, предательство. Такие тени весьма полезны, благодаря им вращаются шестерни власти. Нэйлер распрямил ногу и принялся разминать ноющую мышцу.

Спустя несколько минут появился один из секретарей лорд-канцлера – фатоватый, изнеженный юнец, явно родич какого-нибудь придворного.

– Сэр Эдвард сейчас обедает. – Секретарь протянул руку: запястье в кружевах, пальцы в перстнях. – Тем не менее он желает видеть упомянутый вами документ.

Нэйлер помедлил, прежде чем извлечь приговор из седельной сумы, потом с некоторой завистью смотрел, как его уносят наверх. Зная слабости больших людей, он надеялся вручить документ сэру Эдварду лично. Впрочем, спустя какое-то время он был вознагражден, наблюдая результат своих действий. Огромный дом пробудился вдруг от воскресной спячки: слышались распоряжения явиться, в открытых дверях замелькали посыльные. Примерно через полчаса послышался шум въезжающей во двор повозки, и по коридору прошаркала грузная фигура длинноносого сэра Уильяма Мориса, государственного секретаря Северного департамента. Следом за ним явились сэр Энтони Эшли-Купер и сэр Артур Эннесли, оба тайные советники, прибывшие, по обыкновению, вместе. Сразу после этого в дверях снова показался тот же секретарь-хлыщ, но державшийся теперь более уважительно.

– Сэр Эдвард шлет вам свои наилучшие пожелания, мистер Нэйлер, и просит вас присутствовать на заседании комитета Совета.

Нэйлер подхватил суму и последовал за виляющим худыми бедрами секретарем через холл с колоннами, вверх по главной лестнице, затем через анфиладу приемных, в окнах которых за садом виднелась Темза, до личного кабинета лорд-канцлера. Секретарь отступил в сторону, жестом предложив ему войти.

Как всегда, его поразили размеры кабинета. Он был маленьким, почти как чулан, душным и темным, со стенами, отделанными деревянными панелями, и низким потолком. Единственное окно в свинцовом переплете было таким крохотным, что даже в этот летний день пришлось зажечь свечи. Однако именно отсюда осуществлялось управление Англией. Большую часть устланного турецким ковром пола занимал массивный стол. За ним заседал комитет: Морис по одну сторону, Эшли-Купер и Эннесли напротив, а во главе стола лицом к двери расположился первый министр короля сэр Эдвард Хайд. Чудовищно толстый, он сидел, несколько отодвинувшись от стола и остальных присутствующих, положив на подставленный стул ревматические, распухшие от подагры ноги. Он читал приговор и не поднял глаз.

– Кем должен быть человек, чтобы хранить подобный документ, зная, что враги его вернулись к власти, и понимая, что за такую бумагу его повесят? Можете на это ответить, мистер Нэйлер?

– Фанатиком, милорд.

– Что ж, тут, я полагаю, вы с ним схожи. – Хайд оторвался от бумаги и искоса взглянул на Нэйлера. – В Лестершир и обратно за четыре дня – это достижение. Вы не думали послать кого-то вместо себя?

– Я счел задание слишком важным.

– Так и есть. – Хайд кивнул. – Вы прощены за то, что нарушили день отдохновения. – Он вернулся к изучению приговора, но одновременно вскинул пухлую руку и указал на место в дальнем конце стола. – Присоединяйтесь к нам.

Нэйлер снял шляпу и уселся на стул.

– Благодарю, милорд, но, по правде говоря, я всего лишь курьер. Вся заслуга принадлежит сэру Артуру и сэру Энтони, сумевшим благодаря своим талантам убедить полковника Хэкера признаться в существовании приговора.

Слово «убедить» было чистой воды эвфемизмом. Пока Нэйлер сидел в углу и вел записи допроса Хэкера, стражники Тауэра по приказу Эннесли и Эшли-Купера избивали скованного полковника дубинками до тех пор, пока тот не выложил все как на духу. Оба они были юристами и служили Кромвелю, а затем без зазрения совести поклялись в верности королю. Он бросил на них взгляд через стол. Они признательно закивали. Нэйлер знал, что эти двое очень стараются выказать свое рвение в деле выслеживания прежних товарищей.

– Хэкер теперь еще более покойник, чем был до того, – заметил Хайд. – А что насчет двух других офицеров, получивших приговор: Фейра и Ханкса?

– Оба за решеткой, милорд, и оба уверяют, что отказались исполнять приказ. Ханкс твердит, что Кромвель обругал его за трусость. Оба перекладывают вину на Хэкера.

– Насколько понимаю, мы обязаны передать приговор в Палату лордов?

– Да, милорд, – сказал Эннесли. – Сначала документ следует вручить лейтенанту Тауэра. Тот предъявит ее Хэкеру и потребует клятвенно подтвердить его подлинность. Затем, согласно данным ему инструкциям, он направит приговор лордам.

– И должно это произойти незамедлительно? Завтра?

Эннесли и Эшли-Купер кивнули. Хайд вздохнул.

– Это заново всколыхнет Парламент. – Лорд-канцлер снова перевел взгляд на Нэйлера. – Многие ли из этих подписантов еще на свободе? Вот первый вопрос, который нам зададут.

– Вы позволите, милорд? – Нэйлер извлек из сумы список, набросанный ночью в пятницу в кабинете Хэкера. – Я проштудировал приговор. Как видите, его подписали пятьдесят девять предателей. По моим прикидкам, двадцать из них умерли с тех пор. Двадцать пять у нас за решеткой – или сами сдались, или схвачены. Один, полковник Ингольдсби, получил помилование от его величества в обмен на помощь в поимке остальных. Так что на воле остаются тринадцать.

– И кто именно? – осведомился Морис.

Как и Хайд, он был с королем на протяжении всех лет его изгнания. Но он был уже человек пожилой, несколько повредившийся головой и едва ли мог долго занимать пост государственного секретаря. Тем не менее Нэйлер относился к нему с большим уважением, нежели к Эннесли и Эшли-Куперу, при неоспоримом уме последних. Пусть Морис послужит, сколько ему отведено, он этого достоин.

– Уолли, – ответил он, ведя пальцем по списку, – Лайвси, Оки, Гофф, Хьюсон, Блегрейв, Ладлоу, Баркстед, Диксвелл, Уолтон, Сэй, Челлонер и Корбет.

– И насколько мы близки к их поимке?

– Лайвси, как мы полагаем, находится в Голландии с женой и детьми. Оки и Баркстед замечены в Германии, как и Уолтон, – человек, по нашим сведениям, очень больной и пожилой. Хьюсон в Амстердаме. Блегрейв, Челлонер и Корбет, по слухам, также укрываются в Голландии. Сэй в Швейцарии. Про остальных нам пока неизвестно. Мы ведем наблюдение за их семьями.

Хайд бросил приговор на стол.

– Конца этому не видно. Только четверо умрут за убийство короля – таков был договор, когда мы торговались вокруг Закона забвения. Затем мы нашли протоколы суда, вернее, их нашли вы, мистер Нэйлер. И четыре человека превратились в восемь, затем из восьми стало двенадцать, а теперь счет пошел на дюжины. У любого из членов Парламента найдется враг, которого он желал бы исключить из помилования.

Отвисший подбородок Мориса задрожал.

– Вы ведь не хотите сказать, милорд, что мы должны оставить те тринадцать человек на свободе?

– Нет, сэр Уильям. Конечно же нет. Мы обязаны поймать их. Тем не менее нам следует как можно скорее покончить с этим делом, чтобы обратить наш ум к прочим вопросам. – Излагая эту мысль, Хайд приподнял парик и почесал вспотевшую голову. Потом аккуратно вернул его на место. – Я предлагаю сосредоточиться покуда на тех, кого мы поместили под замок. Обнаружение приговора поможет нам выдвинуть обвинение против них. – Лорд-канцлер снова обратился к Нэйлеру. – Тех, кто сдался в расчете на помилование, до сих пор содержат, не предъявляя обвинения, в Ламбет-хаусе, а не в Тауэре?

Нэйлер кивнул:

– С целью побудить других последовать их примеру.

– Ну, нам следует признать, что остальные беглецы по доброй воле не явятся, иначе давно бы уже это сделали. А посему пора перейти к следующему этапу.

– Какому, милорд?

– Нужно перевести пленников в Тауэр и как можно скорее предать их суду.

– Так, значит, помилования ни для кого из них не будет? – спросил Эшли-Купер.

– Ни для одного.

– Но они ведь сдались в расчете на пощаду.

– Тогда они дураки. Я предпочел бы, чтобы было иначе. Бог свидетель, я предупреждал короля, что случится, но теперешнее умонастроение Парламента этого не допустит. Вы не согласны?

– Нет-нет, мы все согласны, милорд, – поспешно заявил Эннсли.

– Мистер Нэйлер?

– Они не проявили милосердия к королю, так с какой стати нам щадить их?

– Хорошо сказано. В таком случае я посоветую королю и всему составу Совета действовать именно таким образом.

– А поимка остальных? – поинтересовался Нэйлер.

– Она ляжет на вашу ответственность, мистер Нэйлер, поскольку эта работа вам явно по душе. – Хайд взял приговор и, держа его на вытянутой руке, повернул голову, как если бы ему противно было просто касаться его. – Лучше вам передать это в Тауэр.

Нэйлер встал со стула и обогнул стол, чтобы забрать документ.

– Держите нас в курсе ваших успехов, – продолжил лорд-канцлер. – А теперь мне нужно обсудить с коллегами одно щепетильное дельце.

Нэйлер понял, что ему пора. Он подхватил свою суму и поклонился комитету.

– Милорды.

За дверью он немного помедлил, по-видимому, чтобы убрать приговор, но на самом деле подслушивая.

«Ревностный парень, однако», – долетело до него одобрительное замечание Мориса. Затем послышался высокий сипловатый голос Хайда: «Очень ревностный. Двести миль за четыре дня! Интересно, что побуждает его так стараться?»

Нэйлер постоял бы еще, но мистер Хлыщ уже ждал, чтобы проводить его на улицу, и пришлось ему пойти прочь от открытой двери, напрягая уши до тех пор, пока голоса за спиной не слились в неразборчивое бормотание.

По всей южной стороне Стрэнда на протяжении мили лежали, спускаясь к Темзе, дворцы и сады знати: сначала Сомерсет-хаус на востоке, затем Вустер-хаус, Арундел-хаус и Йорк-хаус, вплоть до Нортумберленд-хауса на краю Уайтхолла. В средоточии этих величественных домов, пришедших в запустение во время Гражданской войны и скудных лет Протектората, располагался Эссекс-хаус – елизаветинский особняк, служивший лондонской резиденцией Уильяму Сеймуру, первому маркизу Хартфорду. Теперь это был не столько дом, сколько скопище поместий, расположенных в нескольких зданиях: в общей сложности сорок две спальни, по большей части сданные внаем ради платы. Вот здесь, в этом памятнике упадку роялизма, обитал безвозмездно Нэйлер в течение минувших четырнадцати лет на правах домочадца маркиза.

Он прошел по мощеному двору, пробираясь среди куч отбросов с кишасшими в них крысами к тяжелой дубовой двери в западном крыле, извлек связку ключей, отпер замок и поднялся по лестнице на верхний этаж. В конце темного коридора открыл вторую дверь. Никому из слуг не позволялось иметь от нее запасной ключ. Изнутри, словно из печи, пахло спертым и прогретым за четыре дня воздухом. Рой мух кружился в середине комнаты, служившей ему кабинетом. Другие беспомощно бились в окна в свинцовом переплете. Все поверхностями были завалены кипами пожелтевших бумаг: дела против царевичей, письма, протоколы, изъятые по ордеру из забытых уголков библиотек правоведов и семейных архивов, из потайных мест в погребах, с чердаков и из куч с мусором. Припорошенные красноватой пылью, перепачканные и местами отсыревшие, они создавали в комнате характерный запах плесени и гнили. Идя к окну, Нэйлер осторожно лавировал между кипами, задевая их ногами. Они шуршали, как сухие листья, а от его шагов с ковра поднимались облачка чего-то похожего на черные споры. Нос у него заложило, он почувствовал очередной приступ тошнотворной головной боли, разливающейся от основания носа в область за глазами.

Он открыл окно. В какой-нибудь сотне ярдов лениво катила свои воды Темза. Наступил отлив, обнажив кучи жирного черного ила, перемежаемые зелеными полосами водорослей. Под лучами жгучего солнца они источали запах моря и гнилости. Среди них копошились фигуры – люди надеялись найти что-нибудь полезное в хозяйстве или годное на продажу. Над головами у них кружили с криками чайки. Время от времени птицы камнем падали вниз, замирая на мгновение и снова взмывая в воздух. В глубине сада, у края воды, виднелась арка, выходящая на частную пристань. Нэйлер вытянул шею. Лодки маркиза не было. Он предположил, что старик отправился вверх по реке, чтобы посетить короля в Хэмптон-корте.

С намерением устроить сквозняк он зашел в маленькую угловую спальню и открыл там окно. Оно располагалось с боковой стороны дома и смотрело на Милфорд-лейн, пролегающую между Эссекс-хаусом и Арундел-хаусом. То была овеванная дурной славой улочка с пивными, дешевыми лавками и домами терпимости, с обитателями, которых даже кромвелевцам не удалось приобщить к Богу. В этот вечер здесь было непривычно тихо – шлюхи и кабатчики, по наблюдению Нэйлера, соблюдали день отдохновения не менее строго, чем прочие христиане. Он сам ходил в этот вертеп несколько раз за пару минувших лет, когда груз одиночества и зуд плоти становились нестерпимыми.

Еще некоторое время он смотрел, потом развернулся лицом к комнате. В спальне он не держал бумаг и украшений, если не считать миниатюрного портрета жены, висевшего над туалетным столиком. Ему нравилось зажигать под ним свечу по вечерам и таким образом засы-

пать как бы с ней вместе. Сейчас она смотрела на него из-под черных локонов искоса, как сэр Эдвард Хайд за столом Совета; изображенная в профиль голова была наполовину обращена к нему, и на лице было забавное выражение: умное и веселое.

В последний раз он ее видел на Рождество 1657 года, когда домочадцы собрались тайно в частной часовне, чтобы отпраздновать рождение Христа. Как раз когда закончилась проповедь и священник вышел со Священными Дарами к алтарной перегородке, украшению самому по себе незаконному, двери с грохотом распахнулись, в храм ворвалась колонна солдат и окружила паству. Солдаты вскинули мушкеты, но позволили причащающимся употребить вино и облатки. Провожая Сару обратно к скамье, Нэйлер отметил, что офицеров нет, и предположил, что солдатам дали такой приказ. Когда они сели, она взяла его ладонь и положила на свой живот. Он ощутил толчок – он и сейчас его чувствовал, два с половиной года спустя: резкий стук, похожий на удары сердца. Позднее до него дошло, что жена таким способом просила его не делать глупостей, и он решил последовать совету.

Но после того как пленники просидели несколько часов, появились наконец два офицера. Оба полковники. Когда они вальяжно прошли через неф к алтарю и потребовали сообщить, какова цель этого незаконного сближения, Нэйлер ощутил закипающий внутри гнев.

– Сегодня ведь обычный вторник, – сказал тот из офицеров, что помоложе. – Рядовой день недели, такой же, как прочие. Отмечать суеверный праздник Рождества запрещено актом Парламента. Вы все арестованы.

Никто не произнес ни слова, даже маркиз, спокойно сидящий впереди. В этой тишине Нэйлер услышал собственные слова:

- Не может быть незаконным поклонение Богу.
- Что такое, сэр? – спросил офицер.
- Я сказал, что не может быть незаконным поклонение Богу, – повторил Нэйлер громче.
- Запрещено пользоваться Книгой общих молитв, как и служить в Англии католические мессы.

Он почувствовал, как Сара стиснула его руку, но удержаться не мог.

- А мне казалось, что вы вели войну за свободу совести.
 - За свободу совести, сэр, а не за измену. Книга общих молитв подразумевает, что вы молитесь, в частности, за Карла Стюарта. Вы ведь не станете этого отрицать?
 - Мы молимся за всех христианских королей, князей и правителей.
 - В таком случае вы поминаете короля Испании, нашего врага и паписта.
 - Мы просим Господа, чтобы Он благословил все власти. Папистов тут нет.
- Полковникам надоело препираться.
- Арестовать его.

Нэйлер не смог попрощаться с Сарой, даже хотя бы толком взглянуть на нее. За спину ему уже зашли двое солдат, а он был слишком зол, чтобы заметить их. Он слышал, как жена вскрикнула, но не успел понять, что происходит, когда его сдернули со скамьи и протащили в заднюю часть часовни, а оттуда выволокли на холодный декабрьский воздух. Его вели по безлюдным улицам – они опустели по причине Рождества, и именно это так бесило армию – до самой тюрьмы Ньюгейт, где бросили в камеру и оставили гнить в течение следующих шести месяцев. Когда его выпустили, он узнал, что ребенок, мальчик, родился мертвым в ту самую ночь, когда его схватили. Преждевременные роды начались из-за пережитого потрясения, и, рожая, Сара умерла.

«Интересно, что побуждает его так стараться?»

Наверное, подобный случай может побудить человека очень стараться, не так ли, ваша светлость? Особенно если двумя офицерами, произведшими арест, были полковники Уолли и Гофф, разыскиваемые за убийство короля и где-то ступающие еще свободно по божьей земле. Но это не продлится долго, сэр, раз уж к делу причастен мистер Ричард Нэйлер.

Глава 5

Как только занялся новый божий день, Уилл – босой, в одной рубашке и штанах – выскользнул из постели и тихонько, чтобы не разбудить тестя, уселся за стол. Он достал из кармана лист пожелтевшей бумаги, вырванный из старого альманаха, окунул перо в чернильницу и после некоторых раздумий вывел в верхней части страницы – тем самым изящным почерком с завитушками, которым начертил смертный приговор королю: *«Смирненное обращение к христианской общине Кембриджа, Массачусетс. Уильям Гофф, эсквайр»*.

Он остановился и поднял глаза, вглядываясь в поисках вдохновения в отбрасываемые косой крышей тени. Поставь его перед любой публикой, сколь угодно многочисленной, и присутствуй даже сам Кромвель, и Господь вольет Уиллу в голову поток слов – стоит только открыть рот, и они брызнут фонтаном. А вот письменная речь – это совсем иное дело. Вероятно, пойдя он в Оксфорд, как два его старших брата, чувствовал бы себя более уверенно. Но когда Уилл вошел в возраст, отец его почил, вот и пришлось юноше стать учеником засольщика у «набожного Уильяма» Вогана, бакалейщика-пуританина из Лондона, и на образовании был поставлен крест. Тем не менее спустя какое-то время мысли его начали принимать форму, и вскоре его перо уже чиркало по бумаге.

На это дело у него ушел чуть ли не час. Текст получился выспренный, и пунктуация хромала, зато он был искренним и выражал именно то, что ему хотелось сказать. Уилл подул на бумагу, потом откинулся на стуле и сидел, дожидаясь, когда солнце встанет полностью, а внизу начнется шевеление. Тогда он подошел к Неду и осторожно потряс его за плечо.

– Я тут написал кое-что.

– Ну так дай посмотреть. – Нед взял петицию, держа ее в вытянутой руке, и стал читать, моргая сонными глазами.

Получив множество милостей от Господа, когда оставил он родную страну, а также на пути своем через великие бездны; так же, как в стране сей, где он чужеземец. Теперь же, пред Господом в собрании народа Его, возжелаем смиренно, дабы молитвы наши услышал Бог и обратился к нему. И дабы Господь споспешествовал бедному и недостойному слуге, одаряя его щедротами и милостями, и мог бы он ступать, как сказано в Писании, и всегда устремляться к Богу: любить Его и служить Ему во всех обстоятельствах.

Закончив читать, Нед кивнул:

– Отлично изложено.

– И грамматика хороша?

– Сойдет.

– Ну так что, мы согласны? Следует нам раскрыть себя?

Нед вернул зятю петицию. Весь предыдущий день напролет спорили они об этом деле.

– Как бы поступил на нашем месте Оливер? – спросил он. – Он не стал бы прятаться на чердаке, можешь быть уверен. Он вышел бы с гордо поднятой головой, а в день Божий принял бы участие в общей службе.

– Тогда я передам бумагу нашему другу.

Уилл натянул сапоги.

Гукинов он застал внизу в гостиной, они готовились идти в дом собраний. Он отдал бумагу Дэниелу вместе со свидетельствами их священников из Лондона, подтверждающими, что они оба пережили откровение.

Гукин прочитал петицию, хмурясь и кусая губу.

– Вы понимаете, что я должен быть честен в отношении истинной вашей личности и причины приезда в Америку?

– Понимаем.

– Мэри, что скажешь?

Мнение Мэри склонялось к тому, что уже немного поздно интересоваться ее мнением. Однако в ней зародилась симпатия к Уиллу – благодаря его спокойной искренности, набожности, тому, с каким расположением говорил он с детьми. Ей не хотелось обескураживать его.

– Поступайте, как сочтете правильным.

Вдалеке зазвонил колокол. Гукин сунул бумагу в карман.

– Я сообщу, как только члены общины проголосуют.

Семья отбыла в строгом порядке: Дэниел возглавлял, а маленький Натаниэль замыкал шествие. Уилл вернулся на чердак.

– Они ушли.

Нед, раздетый по пояс, склонялся над тазом и ополаскивался, побрякивая. Уилл занял свое место за столом, закрыл глаза и ткнул пальцем в раскрытую наугад Библию. Бог каким-то образом всегда направлял его подходящей цитатой, и это утро не стало исключением. «Услышь, Господи, правду мою, внемли воплю моему, прими мольбу из уст нелживых»⁴.

Нед надел рубашку. Потом подошел к окну и оглядел реку через подзорную трубу. Подходил паром, перевоза запряженную конями повозку с пассажирами, а также с полдюжины пеших мужчин и женщин. Все средних лет. Без детей. Едва паром приткнулся к кембриджскому берегу и опустили сходни, все торопливо двинулись через луг, миновали ручей, прошли мимо их дома и скрылись из виду. Вскоре колокол перестал звонить, и наступила тишина.

Уолли сложил трубу, отошел от окна и растянулся на кровати. За восемнадцать лет службы офицером он усвоил, как важно демонстрировать уверенность, даже если не чувствуешь ее. Нед был твердо убежден, что они поступают правильно, раскрывая себя, хотя бы потому, что многим уже известны были их истинные личности: капитану Пирсу, некоторым пассажирам с «Благоразумной Мэри», губернатору Эндикотту, семье Гукинов... Едва ли стоило рассчитывать, что общительные дети не выболтают секрет. С другой стороны, он не был уверен, что кембриджская община будет им рада. И если она проголосует против, что тогда? Они выдадут себя напрасно и вынуждены будут незамедлительно уезжать. Но куда? Ему казалось в тот миг, что для такой обширной страны, как эта, здесь слишком мало укромных мест, по крайней мере для одного человека шестидесяти лет и другого, сорока двух от роду, не обремененных полезными навыками и лишними деньгами.

Прошло полчаса, за которые ему не удалось особо продвинуться в части составления запасного плана, когда он услышал, как открылась парадная дверь и на лестнице раздались шаги. Полковник сунул руку под подушку и положил палец на спусковой крючок пистолета, но, когда дверь открылась, перед ними предстал всего лишь юный Сэм Гукин, готовый лопнуть от важности.

– Отец говорит, чтобы вы немедленно приходили!

Беглецы взяли свои Библии и последовали за мальчиком вниз по лестнице, потом по дороге и вверх по склону к деревне. Они с любопытством смотрели по сторонам. С полдюжины бревенчатых домов, таких же, как у Гукинов, стояли немного поодаль от дороги, привольно раскинувшись посреди обнесенных изгородями участков, все они выглядели новенькими в лучах утреннего солнца. Впереди виднелись главенствующие над поселком высокие крыши и трубы колледжа. Людей не было видно, и ощущение, закрадывающееся от этого простора, новизны и пустоты, было каким-то особенно тревожным, походя на сон. На Неда навалилась

⁴ Пс. 6: 1.

вдруг тоска по дому. «Господь милосердный, – подумал он. – Никогда я не смогу к этому привыкнуть».

Сэм вприпрыжку бежал впереди.

Дом собраний оказался скромным строением, сорок на сорок футов, о двух этажах с окнами, с кровлей из дранки, приобретшей под действием погоды серебристый, как у рыбьей чешуи, цвет, с четырехскатной крышей, увенчанной небольшой колокольней в форме муравейника. Снаружи скопилось много лошадей, повозок и поклажи, но изнутри не доносилось ни звука. Тишину нарушало только птичье пение. Сэм открыл дверь, и они вошли в прохладное, хорошо освещенное помещение с галереями. Первый этаж и верхние галереи были заполнены молчаливыми фигурами: мужчины стояли по одну сторону, женщины – по другую, дети располагались в задней части. Все собравшиеся воззрились на двух вошедших полковников, и в этот миг Нед, как никогда в жизни, уверился, что голосование сложилось не в их пользу. Но тут Дэниел Гукин встал и начал хлопать в ладоши, и секунду спустя к нему присоединились остальные. Внезапно бревенчатое здание наполнилось звуками аплодисментов, под которые священник сошел с кафедры и двинулся по проходу навстречу гостям, раскинув руки в жесте радужного приветствия.

Проповедь священник начал с цитаты из Второзакония о необходимости быть в любой миг готовым к смерти.

– Грешникам следует сознавать, что смерть – вещь предопределенная, не предопределено лишь время и что если они промедлят на день с обращением ко Христу, то не миновать им кары вечной.

Священник говорил сильным, глубоким голосом с йоркширским акцентом. Призывая слушателей снискать милость Божью, являя гостеприимство, он воздел руки и возвел глаза к небу.

Как почетных гостей, Неда и Уилла усадили впереди. Уилл слушал, прикрыв глаза, кивая и бормоча в знак согласия, но Нед спустя первые полчаса обнаружил, что внимание его рассеивается. Слегка поворачивая голову, он неприметно разглядывал собравшихся: сначала серьезные лица на скамьях, затем на заполненных галереях выше проповедника. И наконец обратил взор на самого священника. Он был лет тридцати с лишним, коренастый, темноволосый, с короткой черной бородой и бровями, которые сходились в одну сплошную линию. Нед инстинктивно почувствовал, что видел этого человека раньше. Потом до него дошло – это тот самый мужчина, который смотрел, как они купались.

Он постарался выбросить это из головы и открыть сердце Богу. Когда час спустя проповедь закончилась, Уолли энергично присоединился к пению исполняемых без музыкального сопровождения псалмов («С терпением уповал я на Господа»)⁵, а затем к «Отче наш». Он внимательно слушал толкование отрывка из Книги Исайи («Будьте тверды, не бойтесь; вот Бог ваш, придет отмщение, воздаяние Божие»)⁶. Когда собрание закончилось и прихожане потянулись к выходу, на свет солнца, он изо всех сил старался запомнить имена членов общины, которых стал представлять ему Дэниел Гукин, начиная с преподобного Чарльза Чоунси, ректора Гарвардского колледжа, человека величественного и статного, как галеон, лет шестидесяти, облаченного в черные одежды пастора и сопровождаемого небольшой эскадрой пылающих рвением студентов, уважительно кивающих головами.

– Я убежден, что Господь привел вас в эту страну равно ради вашего блага и нашего. – У ректора было широкое румяное лицо, обрамленное светло-оранжевым париком и белым

⁵ Пс. 39: 1.

⁶ Ис. 35: 4.

воротником с ниспадающими лентами. Слова он произносил словно судья, объявляющий приговор. – Вам следует посетить наш колледж и отобедать.

– Почтем за честь, – сказал Нед. – Не так ли, Уилл?

– Воистину, мистер Чоунси. С удовольствием, если не доставим неудобств.

– Неудобств? Да вы ангелы, сошедшие с небес!

После того как ректор со студентами удалился, Гукин представил церковного старосту, мистера Фроста, поприветствовавшего их сильным голосом. Затем полился поток фермеров. Эти мужчины с суровыми и загорелыми лицами, протягивающие мозолистые ладони, – Томас Дэнфорт, Голден Мур, Натаниэль Спэрроухок, Эбрахам Эррингтон – напомнили Неду рекрутов первого полка кромвелевской кавалерии.

Уолли бросал взгляды поверх их плеч на священника, который расположился у дверей дома собраний и напутствовал выходящую на улицу паству. Со временем священник почувствовал, что за ним наблюдают. Он бросил взгляд на Неда и минутой позже извинился и зашагал через лужайку к месту, где стоял полковник.

– А теперь, – произнес Гукин, предлагая священнику присоединиться к группе, – если у вас голова не пошла еще кругом от обилия имен, позвольте представить преподобного Джонатана Митчелла. Джонатан, это Эдвард Уолли и Уильям Гофф.

Митчелл поклонился каждому по очереди.

– Уж ваше-то имя нам точно не забыть, мистер Митчелл, – сказал Уилл. – После такой проповеди.

– Ну что вы, – сказал священник скромно. – Вы ведь знаете, как это бывает, мистер Гофф, когда Дух ведет вас за собой. Заслуга принадлежит исключительно Богу. Как я узнал от Дэниела, вы сами отменный проповедник.

– По временам.

Преподобный обратился к Неду:

– Как надолго собираетесь вы задержаться в Кембридже, полковник Уолли?

– Это зависит от хода дел в Англии. Я не верю, что Господь позволит Его врагам долго упиваться торжеством. Как только правительство падет, мы вернемся домой.

– А до той поры нам предстоит послужить для вас убежищем от шторма?

Была в этом замечании едва уловимая нотка, не понравившаяся Неду, хоть он и не мог в точности объяснить почему, а Уилл и Дэниел ее, похоже, вовсе не заметили.

– За безопасную гавань мы определенно благодарны, – произнес он. А потом осведомился как бы невзначай: – Скажите, а не вас ли я видел вчера на реке?

Митчелл наморщил лоб, словно пытался припомнить.

– Нет, не думаю. Я только вчера вечером вернулся из Бостона. – Преподобный оглянулся. – Ох, там миссис Саймс терпеливо ждет пары слов – она недавно овдовела. Давайте поговорим позже.

Отвесив еще пару поклонов, священник удалился.

– Ты мне не говорил, что видел кого-то у реки, – сказал Уилл, пока они спускались с холма к дому Гукинов.

– Только потому, что не был уверен. Это не важно.

В чем Нед был уверен, так это что священник солгал. А это означало, что если он ездил в Бостон, то мог навести справки о них. И если Митчелл не сознаётся в своих розысках, то он вовсе не такой друг, каким себя изображает.

В течение следующей недели с офицерами воистину обращались так, как выразился Чоунси, – как с сошедшими с небес ангелами. Они сидели в гостиной Гукинов и принимали вереницы соседей, спешивших поглядеть на двух самых высокопоставленных англичан, когда-

либо ступавших на американскую землю. Особенно широко и быстро разлетелась весть о кровном родстве Неда с Кромвелем, и его постоянно спрашивали, правдивы ли эти слухи.

– Да, я имел такую честь. Моя мать, Фрэнсис Кромвель, приходилась сестрой его светлости.

– А какой он был? – Этот вопрос задавали непрестанно.

– Выдающийся человек, – по большей части отвечал Нед.

Согласно обычаям гостеприимства, посетители в свою очередь приглашали их зайти к ним, чтобы преломить хлеб и почитать Писание. Не имея особых занятий, они соглашались, поэтому их фигуры – с Библией в руках, всегда вместе – сделались привычным зрелищем на здешних дорожках: вверх по Вуд-стрит до дома собраний на Коу-Ярд-лейн, вниз по Крукед-стрит и вдоль Крик-лейн. За время прогулок Нед старался запомнить сетку улиц и обращал особое внимание на линии коммуникаций: главная дорога с юга, из Бостона, проходила между Окс-маршем и Шип-маршем через весь городок, мимо колледжа и далее через общинный луг на севере, где пасся скот; затем дорога на запад, на Уотертаун, и еще колея на восток, вдоль реки, устричного берега и глиняной ямы. Четыре дороги вели в город и, что самое важное, выходили из него. Не то чтобы он не чувствовал себя в безопасности в Кембридже, среди стольких добрых душ, но знать такие вещи никогда не помешает.

На второе воскресенье в доме собраний сошлось еще больше народа, чем в прошлый раз. Люди явно приезжали из округи за много миль, чтобы поглазеть на полковников. Эта слава внушала обоим беспокойство. Преподобный Митчелл произнес очередную превосходную проповедь, а после службы тщательно избегал встречи с ними. По крайней мере, у Неда создалось такое впечатление.

Утром девятого августа, в четверг, тринадцать дней спустя после их прибытия в Америку, в развитии событий произошел решительный поворот.

Полковники находились в доме Голдена Мура – мальчишки отвели их туда посмотреть на щенков спаниеля, недавно появившихся на свет, – когда в дверях амбара старины Мура появилась Мэри Гукин. Взволнованная, вытирая руки о передник, она объявила, что повидать их приехал Джон Нортон.

– А кто такой Джон Нортон? – спросил Нед.

– Священник бостонской Первой церкви, – ответил Голден Мур, отошедший уже от фермерства и согбенный почти вдвое под грузом болезни. – Человек величайшей учености.

– Он прямо из Бостона приехал? – осведомился Уилл.

– Получается, что так.

– Если он такой выдающийся человек, – сказал Нед, – и проделал такое расстояние, лучше нам пойти и поговорить с ним.

Мальчишки просили, чтобы им разрешили остаться поиграть со щенками и взять одного домой. Но Мэри была неумолима, и все они отправились вниз по склону холма, Сэм держал Уилла за одну руку, а Нат за другую. Преподобного Нортон они застали стоящим у калитки и наблюдающим за строительными работами на реке. Это был худощавый, исполненный достоинства мужчина лет пятидесяти, с длинными редкими волосами, разделенными пробором посередине и свисающими по обеим сторонам серьезного лица. Он привез письмо от церковных старшин с приглашением полковникам посетить лекцию Нортон на следующий вечер и последующее собрание в его доме. Нед прочел письмо и передал Уиллу.

– Членам нашей общины очень хочется познакомиться с вами, – сказал Нортон. – Я решил выразить их просьбу вам лично.

Уилл, изучая письмо, покачал головой:

– Губернатор Эндикотт советовал нам не покидать Кембриджа.

– Но раз о нашем присутствии здесь уже известно в Бостоне, то какая разница? – возразил Нед. – Тем, кто желает нам вреда, не составит труда найти нас.

– Церковь у нас строгая, – заверил их Нортон. – Мы принимаем в общину только после тщательного отбора. Вы окажетесь полностью среди доброжелателей.

– Я бы все-таки предпочел посоветоваться сперва с губернатором.

Нортон улыбнулся:

– Губернатор сам там будет.

На это Уиллу ответить было нечего.

Гукин сказал, что сопровождать их не сможет, поскольку ждет посетителя. И начертил для них схему.

– Церковь очень приметная, ее не пропустишь, – заверил он. – Просто направляйтесь в сторону порта.

Полковники тронулись в путь вскоре после полудня на следующий день, захватив с собой шпаги. В качестве дополнительной защиты у них были пистолеты, спрятанные под кожаными куртками.

Паром представлял собой шаткую дощатую платформу, достаточно большую, чтобы вместить пару телег, и был прикреплен к переброшенному через реку тросу. Неду и Уиллу пришлось подождать несколько минут на случай, если объявятся другие пассажиры. Паромщик тарасился на них. Наконец, когда никто так и не появился, он убрал сходни, поплевал на ладони, ухватился за канат и начал перетягивать паром на другой берег.

Было прохладнее, чем в минувшие дни, облака ползли низко, а порывистый ветер с Атлантики гнал по поверхности реки Чарльз короткие волны и давал понять, что конец лета не за горами. Нед смотрел на оставшиеся позади бревенчатые дома и пытался представить, какой бывает зима в таком месте. Кембридж уже начал навевать на него скуку. Он не сомневался, что они правильно поступают, отправившись разведать ситуацию в Бостоне. На двоих они едва могли наскрести фунтов пятьдесят. Придет день, и им понадобятся деньги. Город в этом отношении выглядел более перспективным.

– Быть может, вернемся к нашим прежним ремеслам, Уилл? – Нед толкнул зятя локтем под бок, чтобы расшевелить. – Ты засольщик, я портной – что скажешь? Можем лавку открыть. А хочешь, заделайся священником – у тебя всегда было призвание.

Уилл оторвал взгляд от воды на время, достаточное, чтобы коротко улыбнуться, потом снова погрузился в мрачные раздумья. Дик, Бетти, Фрэнки, Нэн и Джудит. Который час в это время в Англии? Чем они занимаются?

На переправу ушло чуть больше минуты. Дорога на противоположном берегу шла вдоль реки. Вначале полковники были на ней одни: слева быстро текущие воды, справа ровный луг с вкраплениями маленьких рощиц, совсем как в Англии. Вдали начинался большой лес, похожий на темное одеяло, накинутое на пологие холмы. Но вот они разминулись с запряженной лошадью повозкой, направляющейся в Кембридж, и постепенно стали попадаться признаки близости поселения: отдельно стоящие фермы, ветряная мельница с домом и надворными постройками, загон для скота со стойлом. После того как они шли еще с полчаса, река описала излучину и расширилась до эстуария, а впереди показался Бостон – форт на мысу, а за ним море, темное, словно сплав олова со свинцом, с полудюжиной кораблей с высокими мачтами, стоящих на рейде. Путники ускорили шаг.

Как чудесно было после стольких месяцев снова свободно идти по настоящему городу. Петлять по лабиринтам мощенных досками улочек, наблюдать за шумным рынком, пробираться сквозь толпу моряков, вдыхать запах свежельвленной рыбы, восхищаться красивыми домами из кирпича с черепичными крышами. Среди сотен спешащих по своим делам прохожих полковники шли, не привлекая к себе внимания, пока начерченная Дэниелом Гукином схема не привела их к внушительному трехэтажному зданию на углу улицы близ порта. Перед ведущей в него дверью была замощенная площадка, на которой встречала гостей группа в лице

преподобного Нортон, губернатора Эндикотта и полудюжины других членов общины бостонской Первой церкви.

Темой лекции Нортон избрал послание святого апостола Павла к евреям, а точнее, вопрос: почему Христос предпочел принять сущность человеческую, а не ангельскую? «Ибо не Ангелов восприимлет Он, но восприимлет семя Авраамово»⁷.

Слушая, Нед испытывал в душе удовлетворение, которого не чувствовал не то что месяцы, но годы. Разве эта церковь не то, за что сражались они в Гражданской войне? Борьба шла за право восседать в молитвенном доме посреди недели, с простым столом вместо алтаря, с простыми стеклянными окнами вместо языческих расписных картинок ангелов, без мудреных кружевных стихарей и органной музыки, отвлекающей от правды. Нет никаких великих и могущественных епископов во дворцах, нет грешного короля, кощунственно величающего себя главой Церкви Христовой. Зато есть свобода без посредников исповедовать Слово Божье.

– Аминь! – вскричал он, когда лекция закончилась. – Аминь! Аминь!

Уилл посмотрел на него. Он никогда не подозревал в тесте такого религиозного рвения.

– Уилл, вот доказанный случай веры истинной, причем доказанный блестяще! – Нед ухватил зятя за локоть. – Господь сошел на землю в облике человека из плоти и крови – обычного человека, «семени Авраамово» – и возвысил Его над ангелами, чтобы Он научил нас не страшиться смерти.

Они вышли под пасмурное послеполуденное небо и стояли на переднем дворе.

– Все остальное суть казуистика и папизм... – продолжил Нед.

– Уолли! – раздался вдруг удивленный возглас. – Эдвард Уолли!

Нед замер на полуслове и стал оглядываться. Кучка грубоватого вида парней, явно притопавших в город со стороны порта, стояла напротив церкви, и один указывал на него.

– Это старый Нед Уолли! – повторил человек. Говор у него был гортанный, язык заплетался от выпитого. Слова прозвучали скорее как «Эт штар Нед Воллай!», но были вполне понятны.

– Я энтого ублюдка знаю! – сообщил детина всем поблизости. Его вытянутая рука была похожа на указующий перст ветхозаветного пророка. – Он взял меня в плен под Данбаром!

Нортон, Эндикотт и другие повернулись в сторону крикуна.

– Судя поговору, он с шотландского корабля, вставшего на якорь этим утром, – сказал кто-то.

– Ну да, – отозвался Нед, взяв себя в руки и делая вид, будто ничего не случилось. – Шотландец, кто же еще это может быть!

Внезапно шумная ватага двинулась через улицу по направлению к ним. Человек двадцать членов общины бостонской Первой церкви быстро образовали оборонительную фалангу, чтобы защитить двух полковников.

– Мой дом буквально по соседству, – сказал Нортон. – Нам следует поторопиться.

Пуритане двинулись по тротуару. Шотландец и его спутники шли следом не отставая. Понаблюдать за разворачивающимся спектаклем собралась почти уже толпа.

– Уолли! Уолли! – скандировал мучитель. – И быюсь об заклад, что второй – это мелкий жулик Гофф, его зятек. Их обоих за убийство короля разыскивают!

Нед потянулся к шпаге, но Уилл схватил его за руку, не давая ее извлечь.

– Не здесь, не сейчас.

Они добрались до дома Нортон. Старик Эндикотт, отдувающийся и раскрасневшийся, повернулся лицом к шотландцу:

⁷ Евр. 2: 16.

– Я губернатор этой колонии, а эти друзья – наши почетные гости. Придержи язык, или я прикажу тебя арестовать как возмутителя спокойствия! – С этими словами Эндикотт обратился к нему спиной и жестом предложил полковникам войти в дом.

Шотландец, потерпев неудачу, стоял, уперев руки в бока, в окружении приятелей.

– Если бы не те, что идут с вами, – крикнул он вдогонку беглецам, – мы бы уже держали за волосы ваши головы!

– Все волосы на наших головах сочтены Господом! – бросил Уилл через плечо. – Мы вас не боимся!

Дверь захлопнулась у них за спиной, лязгнул засов.

Оказавшиеся внутри пуритане разбились на молчаливые группки по два-три человека и время от времени поглядывали на офицеров. Нед дышал прерывисто. Кровь его кипела. Он жалел, что Уилл помешал ему обнажить шпагу. Он бы откромсал от шотландского пса пару кусков, просто чтобы поучить хорошим манерам.

– Какая незадача, что этому малому случилось проходить поблизости и увидеть вас, полковник Уолли, – сказал Эндикотт. – Вы, полагаю, его не узнали?

– Мистер Эндикотт, мы взяли под Данбаром пять тысяч пленных. Так что нет, сэр, я его не узнал.

При упоминании про Данбар заныла рана под ключицей. Вот это была битва так битва! Уступающие числом, прижатые к морю, они сумели, милостью Божьей, заставить шотландцев врасплох, ударив в предрассветный час, и гнали их до самого Эдинбурга. Большую часть пленников вывезли в Англию и поместили в Даремском соборе. Шестнадцать сотен из них умерли от голода и болезней – скверное дело, но он тут ни при чем. Остальных погрузили на корабли и продали в рабство в колонии. Три тысячи фунтов за полный корабль, если Нед верно помнил, – вознаграждение пришлось очень кстати.

Он спохватился, что говорил слишком резко, и добавил более вежливо:

– Подумав получше, я припоминаю, что часть шотландцев отправили в Массачусетс.

– Они работали в железных рудниках поблизости и на лесопилках в нескольких местах. Последних освободили только в этом году. – Эндикотт задумался. – Я не знал, что вы были под Данбаром. У нас в колонии много шотландцев, ветеранов королевской армии. Бостон может оказаться для вас более опасным местом, чем я предполагал.

Он повернулся к окну, через которое Нортон наблюдал за улицей.

– Ушли эти негодяи, мистер Нортон?

– Да, губернатор. Они убрались. Наверняка чтобы устраивать бесчинства где-то в другом месте.

– Капитан Мичелсон! – обратился Эндикотт к плотного сложения мужчине. – Вы не можете любезность привести нескольких парней из милиции, чтобы они проводили наших уважаемых гостей обратно в Кембридж. – Он повернулся к Неду. – Капитан Мичелсон – это наш главный маршал.

– Спасибо за предложение, губернатор, – сказал Нед. – Но мы вполне способны постоять за себя.

– В этом я не сомневаюсь. Но сопровождение даст понять, что вы под нашей защитой, и пресечет впредь подобные грубые выходки.

Как только Мичелсон ушел, напряжение среди собравшихся немного улеглось. Дом Нортон был просторный: простые побеленные стены, полы из широких досок, высокий потолок. На длинном столе стояли приготовленные для гостей блюда с угощением и кувшины с водой. Постепенно в гостиной стало шумно от разговоров. В течение следующего часа Нортон водил гостей по комнате. Община бостонской церкви отличалась от кембриджской: меньше фермеров, больше торговцев, законников, врачей. На лекцию пришли несколько священников, в

их числе Джонатан Митчелл, радушно поприветствовавший полковников и посетовавший на неприятную сцену на улице.

– Пьяный сброд, – выразился он об обидчиках, и, похоже, таково было общее мнение.

Нед взял со стола хлеб и кусок сыра. Он не отказался бы от стаканчика пива, но оно не предлагалось.

– А это мистер Джон Краун, – произнес Нортон, выведя вперед молодого человека. – Студент из Гарвардского колледжа, снимающий у меня квартиру.

Краун был последним из представленных и, как сразу стало понятно, не обрадовался новым знакомым. Руки он не протянул, выпалив вместо этого:

– А то, что сказал тот шотландец, – правда? Про то, что вас разыскивают за убийство короля?

– Когда мы покидали Англию, такого ордера не было, – ответил Уилл. – В любом случае это не убийство.

– А с тех пор?

– Сейчас, Джон, эти люди – гости в моем доме, – предупредил Нортон.

– Верно. И вы вправе принимать, кого вам заблагорассудится. Но я бы не пришел, если бы раньше знал про обвинение.

В комнате снова воцарилась тишина, все повернулись понаблюдать за перепалкой.

– Сколько вам лет, мистер Краун? – осведомился Нед ласково.

– Девятнадцать.

– Девятнадцать! Я так и думал – когда короля судили, вас еще в люльке нянчили. Вам ничего не известно об обстоятельствах.

– Мне известна пятая заповедь – не убий.

– А мы знаем Книгу Исхода, – вставил Уилл. – «Око за око, зуб за зуб, руку за руку, ногу за ногу...» Карл Стюарт не невинное дитя. Он убил тысячи.

– И все-таки оставался вашим – нашим королем.

– Корона у него не только в фамилии, но и в душе, как я погляжу! – заметил Нед с усмешкой, обращаясь к остальным собравшимся⁸.

Послышался смех. Краун стушевался.

– Простите, преподобный Нортон. – Он отвесил хозяину поклон. – Но я не могу оставаться дольше под вашим кровом.

– Джон!

– Пусть говорит начистоту, – сказал Нед. – У него есть право на свое мнение.

В дверь громко постучали.

– Это, должно быть, Мичелсон, – сказал Эндикотт. – Впустите его, мистер Нортон.

Но когда преподобный открыл дверь, то увидел на пороге совсем иную персону: высокую, хорошо одетую, прямую и уверенную в себе. За плечом у вновь пришедшего маячил тот самый шотландец со своими спутниками. Нортон попытался закрыть дверь, но незнакомец успел просунуть в щель сапог и помешал ему. Нед выхватил шпагу, и на этот раз Уилл сделал то же самое.

– Мистер Нортон, день добрый! – вежливо произнес мужчина и коснулся шляпы. – Я капитан Томас Бридон.

– Мне известно, кто вы, – огрызнулся Нортон. – Это частное собрание.

Бридон вытянул шею, заглянув поверх плеча преподобного в комнату.

– Да тут мистер Эндикотт. Добрый день, губернатор! А это, если я не ошибаюсь, полковник Эдвард Уолли и полковник Уильям Гофф.

⁸ Фамилия Краун (*Crowne*) созвучна с английским словом «корона» (*Crown*).

– Отойдите, мистер Нортон, – распорядился Эндикотт и вышел вперед. – Изложите ваше дело, капитан Бридон.

– *Мое*, губернатор? Вы, наверное, хотели сказать *ваше*? Этих людей разыскивают за убийство короля.

– По вашим словам. Письменных распоряжений на этот счет я не получал.

– Тогда позвольте зачитать вам из последней лондонской газеты. – Бридон сунул руку во внутренний карман куртки и извлек отпечатанный листок. – Она прибыла с шотландским кораблем не далее как сегодня и сообщает о результатах следующего голосования в Парламенте: «По сему вопросу решено Палатой общин, созванной в Парламенте мая семнадцатого дня 1660 года, что все персоны, заседавшие в судилище над покойным его величеством, когда вынесен был против оного смертный приговор, а также имущество оных персон, личное и частное, находящееся в их руках или в иных, должны быть взяты и помещены под стражу. Шерифы и прочие чиновники, в части их касающейся, обязаны принять меры к действенному исполнению сего ордера». Далее следует список тех, кто был взят, а также их собственности. Видите, сэр? – Капитан ткнул пальцем в бумагу и поднес ее ближе к лицу губернатора. – Тут черным по белому напечатано: Уолли и Гофф.

– Пусть так, – заявил Эндикотт, вызываяще вскинув подбородок. – Это газета, а не документ.

– Тогда я настаиваю, что вы обязаны хотя бы задержать и поместить их под стражу до прибытия ордера.

– *Настаиваете*, сэр? – От возмущения голос губернатора стал резче. – Вы можете настаивать на чем вам угодно, капитан Бридон, ваше мнение ничего не решает. Власть в этой колонии олицетворяю я.

– Но вы при этом слуга короны...

Пока этот спор продолжался, Нед шепотом спросил у Нортон:

– Скажите, кто такой этот капитан Бридон?

– Торговец с известным достатком. Судовладелец. Роялист. Враг пуританской веры.

Нед покрутил головой по сторонам.

– А есть в вашем доме черный ход?

– Разумеется.

– Что скажешь, Уилл? Стоит нам уйти?

Гофф оценил позицию: губернатор у порога, члены общины сгрудились за его спиной, готовые прийти на помощь; Бридон во главе сброда, но настолько погружен в жаркую перепалку с Эндикоттом, что на время позабыл про главную свою цель.

– Думаю, это будет разумно.

Вложив шпаги в ножны, офицеры последовали за Нortoном через кухню мимо застывшей у стола с разинутым ртом служанки на двор. Священник открыл калитку в ограде, вышел на улицу, окинул ее взглядом и мгновение спустя вернулся.

– Путь свободен. Сначала налево, потом направо и выйдете на кембриджскую дорогу.

– Нам жаль, что мы навлекли беду на ваш дом, мистер Нортон, – сказал Нед.

– Не переживайте. Мы сами виноваты. Не стоило нам затевать это приглашение.

– Мы охотно придем снова, если позовете.

– Ну конечно! Мы с удовольствием.

Однако, судя по неуверенности в его голосе, контрастирующей с поспешностью, с какой он выпроваживал их за дверь, Уилл решил, что это была последняя их встреча с преподобным Нortoном и бостонской Первой церковью.

Шли они стремительно – не бежали, поскольку это привлекло бы внимание, но двигались размашистыми и быстрыми шагами, – пока не оказались вскоре за городской чертой, на

идушей вдоль реки Чарльз дороге. Только тут они рискнули обернуться. Никто их вроде как не преследовал.

Пошел дождь. Тяжелые, крупные капли ливня конца лета, на удивление холодного, взрыбили поверхность реки и ударили по листьям растущих вдоль дороги деревьев с шумом, похожим на треск мушкетного выстрела. Сгорбившись, мокрые путники брели молча, каждый размышлял о том, что случилось. Иного они не ожидали. Тем не менее вид газеты с напечатанным в ней парламентским ордером, которой размахивают перед публикой, заставил их более реалистично взглянуть на свое трудное положение. К тому же их собственность конфискована! Такого они не предвидели. «Имущество... личное и частное, находящееся в их руках или в иных...» Что это значит? Что отберут не только дома, где живут их жены и дети, но даже стулья, на которых они сидят, ножи и ложки, которыми едят? Отберут недвижимость и земли, аренда с которых составляет единственный доход семей? Это полное разорение.

Нед ощущал досаду зятя. Инстинкт не обманул Уилла – не стоило им соваться в Бостон, не удостоверившись, что это безопасно.

– Ладно, – произнес наконец Нед, чтобы разрядить возникшее напряжение. – Теперь мы хотя бы знаем истинное положение дел.

Уилл посмотрел на него искоса. Лицо у него было бледное, насупленное, мокрое от дождя.

– И как нам это поможет?

– Научит быть осторожнее впредь.

– До тебя это только *теперь* дошло?

Никогда прежде младший родич не разговаривал с ним в таком тоне. Оба снова замолчали.

Чтобы дойти до перекрестка, им потребовалось около часа. День, хмурый от дождя, склонился к вечеру. Паром находился на кембриджском берегу, и паромщик явно решил уже закончить работу на сегодня. На голове у него был капюшон, он стоял к ним спиной и поначалу сделал вид, что не слышит. Полковникам пришлось орать, приложив ладони ко рту рупором, и махать руками, чтобы убедить его забрать их.

Во время переправы Нед стоял один, широко расставив для устойчивости ноги. Он вытер рукавом глаза. Потом услышал, как сзади подходит Уилл.

– Прости меня за грубые слова, – сказал зять. – Если говорить про меня, то ты знаешь, что я не держусь ни за жизнь, ни за собственность. Но я не могу не думать про Фрэнсис и малышей. Им сейчас, должно быть, тяжело приходится. Тяжелее, чем нам.

– Я знаю. Извини.

– Нам теперь было бы разумно не высовываться из Кембриджа, я так думаю. – Уилл положил руку Неду на плечо. Вместе они смотрели на приближающееся поселение. В сумерках оно выглядело темным и неудобным. – Мы не должны терять веру. «Имейте нрав несребролюбивый, довольствуясь тем, что есть. Ибо Сам сказал: не оставлю тебя и не покину тебя»⁹.

Паром приткнулся к отмели у речного берега, заставив обоих полковников слегка пошатнуться.

– Да будет так, аминь, – сказал Нед.

⁹ Евр. 13: 5.

Глава 6

Немногим более двух недель спустя, в последнее воскресенье августа, – был такой погожий денек конца лета, о котором в Англии можно только мечтать, – мистер Ричард Нэйлер стоял во дворе Ламбет-хауса, прямо напротив Парламента на другом берегу Темзы, держа в одной руке карандаш, а в другой ордер Палаты общин, предписывающий передать на его попечение всех заключенных, содержащихся на данный момент в Ламбете.

Он каждого знал в лицо. Тем не менее, когда пленников, скованных по рукам и ногам, вывели из камер, вежливо спросил у них имена и сделал пометку в списке. Из проведенных мимо него семнадцати человек четырнадцать поставили подписи на смертном приговоре королю, остальные были членами жюри на суде. Эти люди сдались Парламенту в расчете на королевскую милость. Теперь, когда они один за одним появлялись, белые, как черви, после проведенных в подземелье месяцев, щурясь от резкого солнца, некоторые, еще не смилившиеся с потерей статуса, принялись расспрашивать его, что их ждет дальше.

– Короткая поездка вниз по реке, – любезно сообщил Нэйлер и жестом пригласил их пройти через двор на пристань, где ждала барка.

После того как всех погрузили, Нэйлер подмахнул сержанту стражи расписку в получении пленников, после чего прошел на корму барки и поглубже надвинул на глаза шляпу. Когда лодка отвалила от пристани, он опустил руку, касаясь поверхности воды. Следом отчалила еще одна лодка с солдатами. Как и предсказывал Хайд, обнаружение смертного приговора заново раздуло угли ненависти в Парламенте. Предела ей, похоже, не предвиделось. Однако он быстро наступит, стоит только схватить тех тринадцать, что до сих пор в бегах. Нэйлер более или менее знал, в каких местах прячется большинство из них на континенте. Только Уолли и Гофф оставались для него совершенной загадкой. Мысль об этой парочке, до сих пор наслаждающейся свободой, едва не испортила ему хорошее настроение.

Барка прошла под центральным пролетом Лондонского моста, затем свернула налево, к Тауэру. Когда она проходила мимо ворот Предателей, у некоторых пленников вырвался стон. Когда они причалили, лейтенант Тауэра сэр Джон Робинсон уже стоял на пристани с дюжиной стражников. Нэйлер ставил его невысоко – глупый, хвастливый торговец из Сити. Нэйлер выбрался из лодки, Робинсон тут же расписался в приеме заключенных, примостив бумагу на бедро и поставив небрежный росчерк.

– Пересчитать не желаете, сэр Джон? – спросил Нэйлер, которого подобная небрежность возмутила.

– Мне вашего слова вполне достаточно, мистер Нэйлер.

Робинсон вернул расписку. Пленников грубо выпроводили из барки и погнали по пристани. Полковник Скуп проковылял мимо, из разбитой головы текла кровь.

– Наши новые стражники из Ирландского католического полка, – пояснил Робинсон. – Они не забыли про бойни, устроенные Кромвелем в Дрогеде и Вексфорде¹⁰. Боюсь, царевубийцам тут придется несладко.

Нэйлер дождался, когда последнего из предателей загонят вверх по лестнице и дальше, в темные недра тюрьмы, потом сошел в опустевшую барку, чтобы отправиться назад в Уайтхолл. Когда весла ударили по воде и мрачная крепость из серого камня с узкими щелями бойниц вместо окон и чайками, кричащими над скользкими от водорослей камнями, стала проплывать мимо, он испытал почти забытую эмоцию – проблеск человеческого сочувствия.

¹⁰ В 1649 г. во время завоевания Ирландии войсками Кромвеля в этих городах были учинены жестокие расправы над населением.

В течение следующих трех дней Нэйлер находился в постоянном движении, мало спал и сновал с потертой папкой из коричневой кожи, где держал протоколы допросов и компрометирующие материалы, между комнатами в Эссекс-хаусе, своим кабинетом близ коридора Тайного совета во дворце Уайтхолл, палатами королевских законников на Флит-стрит и резиденцией Парламентского комитета в Вестминстере. Во вторник, 28 августа, Закон забвения был одобрен Парламентом, а на следующий день в награду за труды Нэйлер удостоился приглашения сэра Эдварда Хайда проехаться с ним в карете из Вустер-хауса до Палаты лордов, чтобы стать свидетелем того, как его величество придаст акту своей подписью силу закона.

Облаченный в тяжелую мантию из черного и золотого бархата, лорд-канцлер восседал напротив Нэйлера. Рядом с ним располагался паж, по мясистому лицу вельможи струился пот, влажные ладони покоились на набалдашнике трости. Проезжая мимо Банкетного дома, он посмотрел на окно, через которое вывели короля-мученика в день казни.

– С неделю или две улицы будут залиты кровью, – пробормотал Хайд, – и на этом, будем надеяться, все успокоится.

Больше он не произнес ни слова до самого Вестминстера, где карета остановилась у входа для лордов.

– Ладно, – произнес канцлер. – Покончим с этим делом.

Нэйлер стоял у ограждения в Палате лордов и отстраненно наблюдал за зрелищем. Яркие краски, шум разговоров собравшихся пэров и членов Палаты общин, пронзительные кличи трубы, наступившая вдруг тишина, распахнувшаяся близ установленного в дальнем конце палаты трона дверь, давшая знак собранию встать, даже появление короля собственной персоной в короне и подбитой горностаем роскошной красной мантии – ничто не трогало его. По идее, это был миг его триумфа, но со времени утраты Сары он почти лишился способности чувствовать удовлетворение.

Хайд с трудом поднялся с Шерстяного мешка и дал слово королю.

Карл II был человеком крупным, примерно на фут выше отца, настоящее олицетворение монарха: красивый, мужественный, черноволосый, темноглазый – в юные годы его называли Черным мальчиком. Властным голосом он зачитал речь, написанную для него Хайдом и поправленную Нэйлером.

– Мне приходится иногда представлять перед вами, но никогда не делал я этого с большей охотой, нежели сейчас. И мало найдется в королевстве людей, с таким нетерпением ожидающих принятия сего билля, нежели я...

Нэйлер обвел глазами зал, выхватив несколько знакомых лиц: его патрон маркиз Хартфорд, ныне возведенный до звания герцога Сомерсета, выглядел дряхлым и хрупким. Герцог Йоркский, младший брат короля, сидел возле трона со скучающим выражением на лице. Сэр Орландо Бриджман, верховный судья, которому предстояло как помогать правоведам выдвигать обвинения против цареубийц, так и председательствовать затем на суде над ними – всё в интересах беспристрастного разбирательства.

– ...Те же предусмотрительность и благоразумие, кои подвигли меня выказать столь приятную моей натуре милость, побуждают меня проявить суровость и твердость. И призываю вас всех, милорды и джентльмены, поддержать меня в проявлении этой справедливой и необходимой суровости...

При повторении слова «суровость» глухой и мощный гул одобрения вознесся к кессонной крыше.

Вскоре все закончилось. Король завершил обращение горестной просьбой о деньгах, – очевидно, он сам вставил в последний момент эту фразу: «Со времени приезда в Англию я и шиллинга не могу дать своим братьям». Затем клерки положили перед ним Закон забвения, он склонился над столом, подписал, покивал в ответ на аплодисменты и удалился в ту же дверь,

через которую вошел, кивнув нескольким знакомым. Хайд засеменил следом на распухших ногах, сделав Нэйлеру знак следовать за ним, в переполненный зал за тронном.

С полдюжины женщин, увешанных драгоценностями, с модными высокими прическами и низкими вырезами, сбились в кучку, наблюдая за королем. Один прислужник, подойдя сзади, снял с его величества горностаевую мантию, другой, спереди, приподнялся на цыпочки и удалил корону. «Какой заурядный сделался вдруг у Карла вид, – подумал Нэйлер. – Встретившись с ним на улице, легко было бы его принять за какого-нибудь итальянского купца, идущего навестить портного».

Король стоял к нему в профиль, он улыбался и подмигивал дамам.

– Ваше величество, позвольте представить мистера Ричарда Нэйлера, – сказал Хайд, – который был самым усердным в деле привлечения к суду убийц вашего покойного отца.

Король неохотно оторвался от женщин и протянул руку. Нэйлер склонился и поцеловал ее.

– Ваше величество. – Его уже представляли два раза прежде, но суверен явно его не запомнил.

– Мы в высшей степени признательны за ваши труды... – Король бросил взгляд на Хайда.

– Нэйлер, – подсказал тот.

– Мистер Нэйлер. – Карл улыбнулся, кивнул, потом снова обратился к Хайду: – Надеюсь, все прошло достаточно неплохо, сэр Эдвард.

– Вы выглядели очень внушительно, ваше величество.

Самая рослая из женщин подошла и встала перед лорд-канцлером, потом взяла короля под руку.

– Не хватит ли политики для сего дня, сэр Эдвард? Я полагаю, его величеству необходимо отдохнуть часок-другой.

Король рассмеялся, показав белые зубы, и позволил себя увести.

Хайд постучал тростью по полу.

– Отдохнуть? Вот как она это называет?

– Она очень красивая, – осторожно заметил Нэйлер. – Кто это такая?

– Это миссис Палмер, – буркнул Хайд. – Только не говорите, что вы, при всех ваших шпионах, не слышали о ней. Король недавно поселил ее в доме рядом со своим дворцом.

Нэйлер сразу насторожился.

– И что же это за дом, сэр Эдвард?

– Ближайший, разумеется. Тот, в котором раньше жил Уолли.

Как только он смог вырваться, то есть примерно через час, Нэйлер поспешил прочь из Вестминстера, мимо таверн и узких дворишков по Кинг-стрит в сторону дворца Уайтхолл.

Посреди улицы бежал ручей. Ближайшие ко дворцу здания все были построены во фламандском стиле: в три или четыре этажа, с террасами и остроконечными крышами, их эркерные окна с переплетами в виде ромбов смотрели на дорогу, деревянные части конструкции были позолочены и ярко раскрашены под стать прикрепленным над дверями гербам владельцев.

Нэйлер точно знал, какой из домов принадлежал Уолли, он наблюдал за ним с конца мая. Согласно его распоряжению Кэтрин Уолли, а также ее падчерице Фрэнсис Гофф с выводком малышни разрешено было остаться еще долго после того, как их должны были выселить. К сожалению, женщины были осторожны, не выдав ни единым намеком местонахождение своих мужчин. Тем не менее Нэйлер предпочитал держать их в поле зрения и был уверен, что пришел к взаимопониманию с комиссионером работ. Однако теперь их выселили ради любовницы короля, и герб семейства Уолли, на котором изображены были три китовые головы, пускающие фонтаны, сорвали, от него остались только отметины в кирпичной стене.

Он потерял их.

Нэйлер перешел улицу и дернул ручку звонка. Дверь открыл пожилой привратник.

– Да?

– День добрый. – Нэйлер коснулся шляпы. – Мне нужна миссис Уолли.

– Она съехала.

Из дома слышались музыка и женский смех. Что-то стеклянное упало на пол и разбилось. Привратник обернулся через плечо.

– Вы можете мне сказать, куда она уехала? Я друг семьи, очень близкий друг, – добавил Нэйлер.

В проходе за спиной привратника появился человек. Рубашка у него была расстегнута до пояса. Он держал за горлышко разбитую бутылку.

– Его величеству нужно еще вина.

Нэйлер узнал герцога Йоркского.

– Да, ваше высочество. – Привратник поклонился, бросил на Нэйлера извиняющийся взгляд и закрыл дверь.

Он вернулся на улицу. Ничто не могло его поразить и мало что удивляло. Если Господь решил возвести на престол такого субъекта, то кто такой Нэйлер, чтобы возражать? Но человека по имени Карл Стюарт он клеймил за безудержную похоть. Выждав пару минут, Нэйлер снова дернул колокольчик.

На этот раз старый привратник был готов к встрече.

– Вы в самом деле друг семьи? – спросил он, бросив еще один взгляд через плечо.

– Разумеется.

– Тогда вы и мой друг. Я семь лет состоял у них на службе. Порядочные, богобоязненные люди. Они лишились всего. Им даже подсвечника не оставили.

– Как жестоко, – произнес Нэйлер, сцепив руки словно в молитве, – карать жен и детей за грехи мужей и отцов. Куда они переехали?

Привратник понизил голос:

– На квартиру к преподобному Хуку, зятю миссис Уолли, в Савойский госпиталь.

– Он нашел для них местечко?

– Комнаты принадлежат ему. Он там владелец.

– Привратник! Где, черт побери, тебя носит? – Это снова был герцог Йоркский.

Старик печально посмотрел на Нэйлера и снова закрыл дверь.

Он отправился туда немедленно, отдавая себе отчет, что на ногах у него лучшие придворные туфли с серебряными пряжками и белые шелковые чулки, а значит, следует внимательно смотреть на дорогу и обходить многочисленные кучки вонючего дерьма и лужи мочи, лошадиной и человеческой.

Савойский госпиталь располагался дальше по Стрэнду от Эссекс-хауса и представлял собой богадельню для бедных и больных, служившую во время Гражданской войны лазаретом для круглоголовых. Нэйлеру, слава богу, никогда не приходилось бывать там прежде. Он миновал переулок, в который никогда не заглядывало солнце, и попал через ворота на скученное кладбище, полное выщербленных серых надгробий времен Тюдоров, клонившихся в разные стороны, словно гнилые зубы. Справа размещалась часовня, впереди и слева виднелись две крепости из красного кирпича, закопченного от угольного дыма, с крошечными окошками. Отбросы Лондона, не люди, а пугала в лохмотьях ютились в тени этих стен. Раненые ветераны, лишенные рук или ног, скакали на костылях, лавируя между могилами. Жутким, отвратительным показалось ему это место – скорее тюрьма, чем госпиталь. Оно заставило его вспомнить долгий период болезни после Нейзби, а еще темницу, где его держали после смерти жены.

Нэйлер принялся за поиски, но впустую бродил по дворам и заросшему бурьяном саду, пока не встретил женщину со связкой ключей на поясе. Она указала ему дорогу к резиденции

начальника. То было куда более приятное взору здание – увитый плющом дом вроде тех, в которых живут профессора в Оксфордском колледже. Он мог представить, как Уолли и Гоффы ищут тут пристанища. Нэйлер помедлил, решая, разумно ли обнаруживать себя, но пришел к выводу, что выбора у него нет. Он скажет преподобному Хуку, что доставил послание для Кэтрин Уолли, а если она окажется дома, выдумает с ходу какую-нибудь историю. Но когда он позвонил и появился священник, Нэйлер сразу понял, что власть сменилась, потому как на этом человеке был стихарь и он явно не принадлежал к пуританам.

– Я ищу мистера Хука.

– Хук ушел, – ответил священник с явным удовлетворением. – Он был назначен Кромвелем, и теперь его вычистили.

Нэйлеру пришлось постараться, чтобы не застонать.

– Ушел? Куда?

Священник пожал плечами:

– Знаю только, что он с семьей съехал с неделю тому назад.

– И большая у него семья?

– С детьми, думаю, человек семь или восемь наберется.

– Они оставили новый адрес, где их можно найти?

– У них был всего день, чтобы собраться и съехать. Сомневаюсь, что они сами знали, куда идти. Не осталось в Англии мест для людей вроде Уильяма Хука, особенно в его возрасте. Ему не стоит надеяться найти себе заработок.

– Он стар?

– Лет шестьдесят, наверное.

Вздыхнув, Нэйлер сделал шаг назад.

– Если вы случайно услышите что-нибудь о нем, не сочтите за труд послать мне весточку в резиденцию Тайного совета. Меня зовут Ричард Нэйлер.

Священник, явно впечатленный, кивнул:

– Непременно, мистер Нэйлер. – Узнав, что имеет дело с представителем власти, он преисполнился желания помочь. – Вам было бы нелишним навести справки насчет пуританских домов собраний в районе Спайтелфилдс. Эти парни все друг про друга знают, как евреи. – Подумав немного, он добавил: – Я полагаю, нельзя исключать возможность, что этот Хук вернется в Америку.

Нэйлер, уже было собравшийся уходить, остановился и снова повернулся к священнику.

– В Америку?

– Определенно. Он прожил там лет двадцать, проповедовал в какой-то секте фанатиков.

После полудня на следующий день в своем кабинете – маленькой комнатухе прямо напротив по коридору от палаты Тайного совета с видом на сады дворца Уайтхолл – Нэйлер собрал тех, кто наиболее тесным образом был задействован в охоте на цареубийц. К доске на мольберте был пришпилен список всех разыскиваемых предателей с именами и последним известным местонахождением.

Присутствовала обычная четверка. Секретарь Нэйлера мистер Сэмюел Нокс, старательный молодой юрист, взросший в Линкольнс-Инн. Доктор Джон Уоллис, Сэвиловский профессор геометрии¹¹ из Оксфордского университета, крупнейший английский криптоаналитик. В годы Гражданской войны он поддерживал Парламент и расшифровал корреспонденцию короля, захваченную при Нейзби. Теперь, вняв определенным доводам, математик согласился обратить свои таланты на пользу новому режиму. Полковник Генри Бишоп, главный почтмей-

¹¹ Ученая должность, утвержденная английским математиком, руководителем Оксфордского университета сэром Генри Сэвилем.

стер, благодаря которому комитет получил доступ ко всем письмам, проходящим через лондонскую сортировочную контору. Четвертым был мистер Уильям Принн, член Палаты общин от Бата, самый фанатичный ненавистник царубийц в Парламенте. Он всегда носил черный кожаный капюшон, маскируя отсутствие ушей, отрезанных у позорного столба двадцать лет назад.

После доклада доктора Уоллиса о последних перехваченных шифровках, которыми обменивались беглецы в Голландии и их сторонники в Англии, Нэйлер поднял тему Уолли и Гоффа. Он рассказал, как ходил на Кинг-стрит и обнаружил, что их семьи покинули дом, тактично опустив некоторые детали, свидетелями коих стал. Затем описал свой визит в Савойский госпиталь, где выяснилось, что и оттуда они уже съехали. Говоря все это, Нэйлер обратил внимание на то, с каким недоумением смотрит на него Нокс, и сообразил, что молодой человек не понимает, с какой стати ему лично понадобилось заниматься этой черной работой.

– Короче говоря, джентльмены, – заключил он свой доклад, – я придерживаюсь того мнения, что, если мы хотим выследить этих конкретных предателей, нам необходимо разыскать их семьи. У Гоффа маленькие дети. Весьма вероятно, что рано или поздно он попытается связаться с ними. Привязанность к семье – это их уязвимое место.

– Мы по-прежнему исходим из того, что эти двое вместе? – спросил полковник Бишоп. – Если так, это еще одна слабость. Два человека, путешествующие вместе, вызывают больше подозрений, чем один.

– Чутье мне подсказывает, что они вместе, – сказал Нэйлер. И вспомнил, как они стояли у алтаря в Эссекс-хаусе в тот рождественский день и выговаривали пастве. – При жизни Кромвеля они часто ходили парой.

– Вынужден признать, что нахожу столь полное их исчезновение удивительным, – заметил Уоллис. Он говорил, как всегда, отстраненным тоном преподавателя: для него охота на человека представляла серию математических задач, которые следует решить. – Ни в одном зашифрованном послании, которыми обмениваются другие беглецы со своими сообщниками, о них не упоминается. Они пропали – их словно нет больше на земле.

– Я начинаю склоняться к мысли, не подались ли они в Америку, – сказал Нэйлер. Накануне он полночи прокручивал эту идею в уме. – Сестра полковника Уолли замужем за пуританским священником по фамилии Хук, который долгие годы жил там среди некоего сообщества религиозных экстремистов. Если это так, то отделение этих двоих от остальных вполне объяснимо.

– Отплыть они должны были до конца мая, – вставил Нокс, – потому как мы с тех пор проверяли всех покидающих Англию пассажиров. Если только они не сели на корабль в Голландии.

– Но об этом мы бы наверняка узнали? Отправьте одного из наших людей в таможенную контору, мистер Нокс, проверить списки пассажиров всех судов, отпавших в Америку в апреле и мае. Беглецы могли путешествовать под чужими именами.

– Да, сэр. – Нокс сделал пометку.

– Еще: есть ли у нас осведомитель среди пуританского сообщества в Спайтелфилдсе?

– Несколько, мистер Нэйлер.

– Тогда пусть наведут справки, но осторожно, где обретается преподобный Хук. Он приведет нас к семьям, я уверен.

– Наживим Хука и поймем нашу рыбку, – произнес Принн¹².

Его узкие губы глумливо скривились. На впалых щеках виднелись буквы «МК», означающие «мятежный клеветник», выжженные по приговору верховного судьи одновременно с отсечением ушей. За годы буквы расплылись, превратившись в бурые неровные полосы, похо-

¹² Принн обыгрывает значение фамилии Хук (*Hooke*), созвучной слову «Hook», то есть «крюк».

жие на червоточины. Хотя наказание осуществлялось по приговору правительства Карла I, Принн, следуя прихотливым изгибам своей не обремененной принципами логики, оказался в итоге на стороне роялистов.

– Я этих Уолли и Гоффа знаю, – продолжил он. – Они стояли вместе с полковником Прайдом и его солдатами, не давая мне пройти в Парламент, потому как знали, что я из числа депутатов, которые не станут голосовать за суд над королем. Несколько недель продержали меня в мерзкой темнице и отпустили только после казни его величества. Я с удовольствием поглядел бы, как эту парочку вздернут и выпотрошат заживо.

Нэйлер кивнул в знак согласия, но больше ничего не добавил. Более того, отвел взгляд, предпочитая не видеть своего отражения в этих фанатичных глазах.

Два дня спустя, в воскресенье, вскоре после восхода солнца Нэйлер сидел у себя в кабинете, сочиняя меморандум сэру Орландо Бриджману, когда дверь отворилась и в комнату влетел Нокс.

– Хука нашли. Он снял сельский дом у богатого пуританского купца из Сити по фамилии Голд.

Нэйлер отложил перо, откинулся на спинку стула и радостно рассмеялся, но тут же одернул себя.

– А это действительно так? – спросил он. – Богатый человек по фамилии Голд?¹³ Уверены, что это не шутка?

– Уверен, сэр, – горячо заявил Нокс. – Источник надежный. Накануне вечером я установил слежку за домом и поутру получил доклад, что Хук и его жена действительно проживают там, а вместе с ними и прочие – женщины и дети.

– Где это?

– Сразу за рекой, в деревне Клэпхем.

– Еще кого-то засекли?

– Ни о ком не сообщали.

– Но ведь наверняка было темно?

– Точно, сэр.

Нэйлер сидел молча, постукивая указательным пальцем по столу. Он думал, что, возможно – маловероятно, но вдруг, – эти Уолли и Гофф прячутся вместе с семьями.

– Переговорите с сержантом стражи, – распорядился он. – Введите в курс дела. Скажите, что нам нужна дюжина вооруженных людей, чтобы нанести неожиданный визит в этот дом в Клэпхеме. Сегодня.

¹³ Обыгрывается значение английского слова «Gold» – «золото».

Глава 7

Нет смысла говорить о бедственном положении, в котором оказалась Фрэнсис Гофф ни с того ни с сего в свои двадцать шесть, за исключением разве того, что оно не оставляло времени предаваться печали. За каких-нибудь несколько месяцев она лишилась мужа и отца, положения в обществе, дома, имущества, денег, прислуги и душевного покоя, если не считать простой и твердой веры, что Господь не напрасно послал ей это испытание и ее долг с честью его выдержать. Если бы не эта решимость, она бы наверняка сошла с ума.

У нее было пятеро детей, все младше восьми, причем средние, дочери Бетти и Нэн, обе болезненные, доставляли больше всего хлопот. Но не столько, сколько ее мать, лежавшая рядом с ней на постели с открытыми глазами и недвижимая, пока Фрэнсис пыталась влить ей в рот немного супа с ложечки, одновременно кормя грудью младенца Ричарда. Светало. Она слышала, как наверху тетя Джейн велит Фрэнки, старшенькой, помочь сестре Джудит одеться. Дядя Уильям в кухне штудирует Библию; из всех домочадцев его, похоже, меньше всего заботит их стесненное положение.

Дом был маленький – коттедж в конце улицы, в полумиле от центра деревни, с двумя комнатами наверху. Одну занимали Хуки, другую делили девочки, тогда как Фрэнсис спала внизу в гостиной. Каждый вечер она раскатывала на сыром полу матрас между постелью матери и люлькой Дикки. Помимо кроватей, стола и полудюжины деревянных стульев в кухне, другой мебели не было – мистер Голд планировал снести старый дом и построить на его месте новый. Впрочем, в шкафах, сундуках и буфетах жильцы нужды не испытывали, так как им нечего было там хранить. Из имущества остались лишь одежда, бывшая на них, пара запасных рубашек и сорочек, куклы девочек и три семейные Библии. С Хуками дело обстояло лучше, их собственность не конфисковали, но пожитки они свезли на склад в городе. Дядя Уильям денег никогда не имел, к тому же отдал большую часть сбережений Уиллу и Неду при отъезде, так что теперь в его распоряжении были только десять фунтов, одолженных у мистера Голда. Тетя Джейн позаимствовала несколько шиллингов и совершала ежедневные вылазки в деревню с целью купить домашних продуктов, из которых они с Фрэнсис сами готовили еду. Слуг не было. Как не похоже это было на жизнь, которую вела Фрэнсис прежде: апартаменты в Сомерсет-хаусе, дом на Кинг-стрит, почтение, подобающее семье, принадлежащей к ближайшему кругу протектора.

– Мужайся, дитя, – говорил дядя Уильям, застав ее в слезах. – Господь довольствовался и меньшим, а мы хотя бы есть друг у друга.

Это так. Но у нее не было мужа.

Малыш перестал сосать и уснул. Фрэнсис уложила его в люльку и возобновила попытки покормить мать. Кэтрин Уолли была не стара, едва за сорок, и, если точнее, приходилась ей мачехой – родная мать Фрэнсис умерла, когда та была еще маленькой, – но была абсолютно седой, а плоть лишь тонким саваном обтягивала ее кости. Болела она много лет, после последнего выкидыша. Теперь женщина, похоже, полностью потеряла связь с реальностью и мотала головой, как упрямый ребенок. Суп стекал по стиснутым губам на подушку. Фрэнсис промокнула его тряпкой, потом легла на матрас и закрыла глаза ладонью.

«Уилл... Уилл... Уилл...»

Скоро уже четыре месяца, как он уплыл в Америку. Она не знала, добрался ли он. Слишком мало прошло времени, чтобы успела прийти весточка. Уилл не хотел уезжать, но она умоляла мужа ради ее самой и детей не сдаваться врагам. Факт, что рядом с ним находится ее отец, немного утешал Фрэнсис: старик практичен и хитер, тогда как Уилл склонен к мистике и фатализму. Да простит ее Бог за такие мысли, но это так. Она любила его с шестнадцати лет, вышла замуж в восемнадцать и знала супруга, как никто иной.

Фрэнсис села и нащупала в шве матраса небольшой прорез, сделанный ею. Пошарив пальцами в соломе, она извлекла единственные три вещи, оставшиеся ей от мужа: прядь волос, миниатюрный портрет и последнюю записку, посланную им в день отплытия. Дядя Уильям привез ее из Грейвсенда, после того как проводил беглецов.

Дражайшее мое сердце, Бог обережет нас, ибо Его волей происходят на земле все правильные вещи. Молись за меня, я же всегда буду молиться за тебя – ты величайший из даров, коим наградил Он меня. Я вернусь к тебе, как только смогу.

Письмо было написано аккуратным почерком Уилла на клочке бумаги, неровно вырванном из блокнота. Чернила расплылись. Записка была без даты и без подписи. Она еще раз перечитала ее. Вдохнула запах пряди темных волос. Вгляделась в любимое лицо на портрете – широко расставленные глаза, тонкий нос, маленький изящный рот – и поцеловала его.

Фрэнсис услышала, как тетя зовет ее по имени. Она засунула свои сокровища поглубже в матрас и побежала вверх по лестнице посмотреть, чем может помочь.

Несколько часов спустя, к исходу утра, вскоре после того, как тетя Джейн вернулась из деревни с хлебом и сыром, а Фрэнсис натаскала воды из колодца, чтобы постирать ночные сорочки детям, дядя Уильям, собиравший яблоки в саду, влетел в дом с известием, что по улице едут конные солдаты. На его лице Фрэнсис прочла страх.

– Думаешь, они к нам?

– Наш дом единственный тут. Куда им еще направляться?

Она сгребла Нэн, ползавшую по полу в кухне, и передала ее Фрэнки, велев отвести ее и Джудит в их комнату, где Бетти еще не встала с постели.

– Оставайтесь там, пока я не скажу вам спуститься.

Со стороны сада послышались топот копыт и мужские голоса. Двое солдат промелькнули под окном кухни. Дом окружали. Мгновение спустя в дверь забарабанили. Дядя Уильям слегка приоткрыл ее и был отброшен потоком военных, ворвавшихся внутрь с пистолетами и шпагами наголо. Несколько человек вбежали в гостиную. Другие ринулись наверх. Двое солдат навели мушкеты на Фрэнсис и Хуков, приказав не шевелиться.

Вскоре в кухню властно вошел коренастый широкоплечий человек.

– Преподобный Уильям Хук, если не ошибаюсь? – Он церемонно прикоснулся к шляпе и обратился к тете Джейн: – А вы миссис Кэтрин Уолли?

– Нет, сэр. Меня зовут Джейн Хук.

– Прошу прощения. – Мужчина посмотрел на Фрэнсис. – А вы, полагаю, миссис Гофф. – Некоторое время он внимательно ее разглядывал. Глаза у него были темные. Мелькало в них нечто, то ли осведомленность, то ли сочувствие, отчего Фрэнсис поежилась. – Где миссис Кэтрин Уолли?

– Она в постели, сэр, – ответила Фрэнсис. – Больная.

– Позвольте взглянуть.

Дядя Уильям начал оправляться от шока.

– Постойте, – сказал он. – По какому праву врываетесь вы в наш дом?

– Существует ордер на арест полковника Уолли и полковника Гоффа, о чем вам прекрасно известно.

– Здесь никого нет, мистер Нэйлер! – крикнул сверху один из солдат. – Только маленькие девочки!

Фрэнсис заметила, как губы Нэйлера на миг разочарованно опустились.

– Что ж, это не удивляет. – Он повернулся к ней. – Вы, без сомнения, скажете, что не имеете понятия, где они.

– Я много месяцев не видела ни мужа, ни отца.

– Так ли? – Нэйлер крикнул солдатам наверху. – Обыщите тут все тщательно. Переверните весь дом, если понадобится. – Потом снова посмотрел на Фрэнсис. – Отведите меня к миссис Уолли.

Она проводила его в гостиную. Мать лежала, натянув одеяло до подбородка, и глядела в потолок. Нэйлер наклонился к ней. Провел ладонью у нее перед глазами. Реакции не последовало.

– Как давно она в таком состоянии?

– С тех пор, как ее выкинули из дома на улицу, не позволив захватить ничего, кроме имени.

– У вас нет братьев или сестер, способных помочь ей?

– Есть родной брат и два сводных, но они не в Англии.

– А где?

– Я не знаю.

Это была правда. По слухам, Джон и Генри обрелись во Франции, а Эдвард в Ирландии. Всю семью разметало. Малыш заплакал. Фрэнсис рванулась к нему, но Нэйлер ее опередил. Он поднял Дикки из люльки и, держа на вытянутых руках, стал поворачивать из стороны в сторону, разглядывая его оценивающим взглядом, словно поросенка на ярмарке.

– Какой чудесный паренек! Славно, должно быть, иметь здорового маленького сынишку.

Сверху доносились грохот, треск отдираемых досок. Одна из девочек закричала. Фрэнсис протянула руки к сыну:

– Отдайте его мне, пожалуйста.

Нэйлер прижал ребенка к груди и вдохнул аромат пушистых волосиков. Потом начал баюкать, поглаживая по спинке. Малыш перестал плакать.

– Вот видите? У меня талант обращаться с детьми. Скажите, где ваш муж, миссис Гофф, – вкрадчиво промолвил он. – И жизнь станет лучше для этого младенца и для всех вас.

– Я не могу сказать вам того, чего не знаю.

– Тогда я скажу вам то, что думаю. – Он кивнул в сторону дяди Уильяма, наблюдавшего за ними с порога. – А думаю я, что Гофф и ваш отец отправились к друзьям мистера Хука в Америку. Такое у меня подозрение. – Он повернулся в сторону кухни. – Капитан Уивер! Идите сюда и сделайте обыск.

Дядю Уильяма оттеснили прочь с дороги. Уивер вошел в сопровождении двух солдат.

– Начните с койки. Потыкайте шпагой в матрас.

Капитан с сомнением посмотрел на Кэтрин Уолли.

– А с ней что делать?

– Если не может встать сама, вытащите ее.

Фрэнсис слышала, как семилетняя Фрэнки кричит наверху: «Мама! Мама!»

– Это бесчеловечно, мистер Нэйлер, – сказала тетя Джейн.

– Бесчеловечно – убивать в трезвом рассудке своего короля. Выполняйте, капитан.

В этот миг, когда течение времени словно остановилось, Фрэнсис сразу и с полной очевидностью поняла три вещи. Они знают про Америку. Они найдут записку Уилла. Этот человек до сих пор держит ее ребенка.

– Постойте, – сказала она.

Женщина развязала узел на стягивающей матрас веревке и сняла ее. Потом опустилась на колени, запустила руку в разрез и извлекла записку, портрет и прядь волос. Протянула их Нэйлеру. Тот, сбитый на миг с толку, воззрился на нее. Руки ее тряслись. Наконец от отдал ей младенца в обмен. Фрэнсис схватила сына и крепко прижала к себе, глядя, как Нэйлер читает записку.

– Это от вашего мужа?

Она кивнула.

– Фрэнсис! – встревожился дядя Уильям.

– Когда вы ее получили?

– С неделю назад. – Ложь далась легко.

– Кто ее принес?

– Я не видела. Принесли ночью. Когда я проснулась утром, это было здесь.

– Портрет его?

– Да.

Клерк еще раз прочитал записку, отметив красивый почерк. Потом внимательно изучил миниатюру. Взял большим и указательным пальцем прядь волос, поднес к свету. Видя свои сокровища в его руках, Фрэнсис почувствовала, что вот-вот упадет в обморок. И постаралась обуздать свои чувства.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Записку и портрет я заберу. Волосы можете оставить себе.

Как только дверь за ними закрылась, Фрэнсис, не дождавшись даже, пока солдаты сядут в седла, помчалась наверх, к дочерям. Фрэнки сидела, привалившись к стене и вытянув ноги, держала Нэн на коленях и старалась не расплакаться. Джудит забралась в кровать к Бетти, обе накрылись с головой одеялом. Скучные детские вещи и пожитки были разбросаны по полу. Пара досок была отодрана. Один из матрасов рассекли дважды крест-накрест и перевернули. Повсюду валялась солома. В комнате пахло как в конюшне.

Фрэнсис переходила от одной девочки к другой, нашептывая одни и те же слова:

– Не бойся... Эти люди ушли... Нам уже ничего не грозит...

– Почему солдаты искали папу и дедушку? – спросила Фрэнки.

– Однажды я все тебе расскажу. Просто знай, что они не сделали ничего плохого.

– Когда мы вернемся домой?

– Наш дом там, где мы вместе. Будьте хорошими девочками, соберите вещи. Я принесу иголку с ниткой, мы набьем матрас соломой, зашьем его, и у нас снова будет постель.

Внизу в гостиной тетя Джейн утешала Кэтрин. Ее низкий успокаивающий голос слышался через порог. Дядя Уильям сидел за столом в кухне. Библия была открыта, но смотрел он прямо перед собой. Фрэнсис познакомилась с ним всего четыре года назад, когда он вернулся из Америки, чтобы стать одним из личных капелланов Кромвеля, – это место выхлопотал для него ее отец. Лицо священника было строгим. Когда она вошла, он встал. Женщина приготовилась к выговору, – по правде говоря, она всегда немного побаивалась дядю. Но он вместо этого простер руки:

– Иди сюда, дитя.

– Ты не сердишься на меня?

– Сержусь? Ничуть. Ты оказалась сообразительнее меня.

Она с облегчением прильнула к нему, прижавшись щекой к его плечу. Он казался надежным и непоколебимым как камень.

– Даже хотя я преступила заповедь и сказала неправду?

– В Библии сказано «не лжесвидетельствуй против ближнего твоего». Но этот человек не ближний. Он дьявол. Ты насыпала ему песку в глаза, а это не считается за грех. Вот только боюсь, он вернется, когда поймет, что его обманули.

В восемь утра на следующий день, в понедельник, Нэйлер явился в Вустер-хаус и попросил о встрече с лорд-канцлером. Дождавшись в приемной вызова, он последовал за тем же самым хлыщом-секретарем вверх по лестнице. На этот раз юный аристократ держался непривычно скромно, да и вообще атмосфера в доме показалась Нэйлеру странной: разговоры шепотом.

том в концах коридоров, приоткрытые двери тихонько закрывались, стоило ему пройти. Когда они вошли в галерею, ведущую к кабинету сэра Эдварда, с противоположного ее конца торопливо вышла Энн Хайд, дочь канцлера, в сопровождении служанки. Нэйлер не видел ее вот уже несколько месяцев. Он остановился, снял шляпу и поклонился. То, как она выглядела, привело его в изумление. Милое личико расплылось и покраснелось, от стройной фигуры не осталось и следа – девушка располнела, став до ужаса похожей на отца. Энн прошла мимо, не узнав его, и ему показалось, что она плачет.

Сэр Эдвард располагался на обычном месте в конце стола. Он снял парик и сидел, подавшись вперед и подперев голову руками. Говорил он, глядя в ковер.

– В чем дело, мистер Нэйлер?

– Если я в неподходящий момент, милорд, то это дело может подождать.

– Нет. – Хайд устало поднял голову. – Излагайте.

– Это касается полковников Уолли и Гоффа. – Хайд застонал, но Нэйлер все равно продолжил: – У меня есть доказательства, что они могут находиться в Англии.

Тут лорд-канцлер поднял глаза:

– Какого рода доказательства?

– Я выследил их семьи и установил, что они живут в Клэпхеме. По словам Фрэнсис Гоффа, она получила неделю назад от мужа вот эту записку, переданную неизвестной рукой. – Он положил бумагу на стол. – Почерк весьма характерный, совпадает с подписью на смертном приговоре.

Хайд быстро пробежал записку.

– И вы ей верите?

– Верю, сэр. Это испуганное, безыскусное создание, воспитанное на религиозных принципах, запрещающих ложь. Более того, ее история сходится с фактами. В корреспонденции сбежавших в Европу царубийц нет никаких упоминаний про Уолли и Гоффа. Я подозреваю, что они сбежали в Голландию в мае или апреле, но теперь тайно вернулись.

– С какой стати им вести себя так глупо?

– Гофф – один из самых молодых царубийц: на момент казни короля ему было только тридцать. У него маленькие дети, один вовсе младенец. Я полагаю, это дети влекут его домой.

– Ну да, – процедил Хайд. – Дети. Судьба, которой никому не избежать. – Он помолчал некоторое время. – Если они в Англии, как вы планируете поймать их?

– Объявить их имена по всем городам и весям королевства. С предупреждением, что любой, приютивший их, будет в равной степени расцениваться как изменник. А самое главное, назначим награду за их головы. Сотни фунтов за штуку будет достаточно. Есть шанс, что мы успеем найти их и предать суду вместе с остальными в октябре.

– Ей-богу, мистер Нэйлер. – Хайд покачал головой. – Не хотел бы я иметь вас своим врагом!

Нэйлер раболепно поклонился.

– Этого никогда не произойдет, милорд.

Хайд пристально посмотрел на него:

– Как ни странно, я склонен вам верить. – Лорд-канцлер как будто взвешивал какое-то решение. – Вам известно, что моя дочь Энн выходит сегодня замуж? Здесь, в этом доме.

– Нет, сэр Эдвард. Я не знал.

– Публичной церемонии по понятным причинам не будет. – Хайд наблюдал за его реакцией. – Она беременна – шесть или семь месяцев, как мне сказали. Выходит замуж за отца ребенка. Он утверждает, что любит ее. Это герцог Йоркский.

Нэйлер разинул рот. Просто не смог удержаться. Перед его мысленным взором непрошеным возник образ королевского брата, наполовину голого, в бывшем доме Уолли.

– Как вижу, вы меня не поздравляете, – сказал Хайд. Нэйлер бросился было возражать, но лорд-канцлер его осек. – Нет-нет, не надо врать. Меня ваш инстинкт восхищает. Дурак решил бы, что я устроил великолепную партию. Но мы с вами способны распознать беду. Его королевское высочество переспал с половиной двора – и об этом знает весь мир, кроме моей дочери. Он сделает ее очень несчастной. И навлечет погибель на меня. О нет, не сразу – король в этом отношении крайне великодушен. Но пока у него нет наследника, злопыхатели станут говорить о моем стремлении посадить на трон собственного внука и со временем настроят государя против меня. Сейчас он это отрицает, но я слишком хорошо его знаю. – Вельможа вздохнул. – Ну да ладно. Приступайте к делу, мистер Нэйлер. Вскоре весь Лондон будет утыкан пиками с головами на них. Но имейте в виду, что однажды среди них окажется и моя.

В первые дни после набега на дом сердце у Фрэнсис проваливалось в пятки всякий раз, когда кто-то проходил мимо по улице. Но злоеший мистер Нэйлер, кто бы он ни был, не возвращался, и постепенно жизнь в доме вернулась к прежнему спокойному укладу. Дядя Уильям отваживался иногда на вылазки за реку, где тайно встречался в городе с пуританскими проповедниками, и приносил последние новости. Посланий из Америки не ожидалось раньше конца октября. Фрэнсис и тетя Джейн оставались в Клэпхеме с детьми и Кэтрин Уолли. Они ни с кем не встречались, разве что в воскресенье, когда посещали церковь в деревне, что казалось вполне безопасным. Пуританское сообщество к югу от реки было немногочисленным и напуганным, никто не задавал им вопросов.

По вечерам, когда девочки укладывались спать, а младенец был накормлен, Джейн усаживалась у очага с шитьем и рассказывала о своем житье-бытье в Америке. Они с Уильямом одиннадцать лет провели в Нью-Хейвене, самой молодой из колоний, в религиозной общине, поселившейся более чем в сотне миль дальше по побережью от Бостона. Сооснователями общины были преподобный Джон Девенпорт, «величайший проповедник и вдохновитель людей», и мистер Теофилус Итон, пуританский торговец с огромным капиталом.

Когда тетя описывала крошечные скопления бревенчатых домов, окруженных частоколами, бескрайние лесные чащобы, кишашие волками и пумами, аборигенов-индейцев с их капищами и языческими ритуалами, долгие зимы и работу до упаду в период посадки и сбора урожая, Фрэнсис чувствовала, что Уилл и приближается к ней (ей легко было представить его в такой обстановке), и одновременно становится все дальше. Ей было любопытно, почему дядя и тетя уехали.

Однажды вечером Джейн поведала историю про «Большой корабль» – судно водоизмещением в сто тонн, построенное городом. Оно должно было отплыть из Нью-Хейвена вскоре после того, как они с дядей Уильямом приехали туда. Она рассказала, как колонисты наполнили трюм корабля товарами для продажи в Англии, как они кололи лед, чтобы он мог выйти из гавани, и как несколько месяцев спустя в звездном зимнем небе появился едва различимый призрак корабля, и они поняли, что судно погибло, унеся в пучину семьдесят горожан.

– Это была трагедия, от которой сложно оправиться. За что Господь так покарал верных Ему? В чем мы согрешили? – Заметив, как перекошилось от ужаса лицо Фрэнсис, Джейн осеклась и сказала: – Какая я глупая, что тебе такие страсти рассказываю. Милый Уилл жив и здоров, я уверена.

С месяц или около того после визита солдат – сложно было точно отсчитывать время, когда дни так мало отличались один от другого, – Фрэнсис шла по дороге в Клэпхем, чтобы купить продуктов к обеду. Стояла осень, листья шуршащим красным и золотым ковром устилали землю. Время от времени женщина наклонялась, подбирая и складывая в передник конские каштаны как игрушки детям. Каштаны были блестящие и гладкие, словно природа отполировала их. Дойдя до крытого входа на кладбище при церкви Святой Троицы, она заметила

пришпиленное к доске рядом объявление. На верху листа была изображена корона – королевская прокламация, не меньше. Фрэнсис подошла ближе и начала читать.

«Поелику презренные предатели полковник Эдвард Уолли и полковник Уильям Гофф, признанные отсутствующими и удалившиеся за море, вернулись, как Мы основательно полагаем, в Наше королевство Английское и подлю прячутся и таятся в месте неведомом, Мы требуем и повелеваем Нашим судьям, мировым судьям, мэрам, шерифам, бейлифам, констеблям и прочим Нашим подданным приложить усилия к обнаружению оных лиц, поимке и представлению к правосудию...

Далее Мы объявляем и обнарудуем, что, если лицо или лица, кои после опубликования настоящей прокламации будут прямо или косвенно укрывать, давать приют, поддерживать или оказывать помощь вышеупомянутым Эдварду Уолли и Уильяму Гоффу или кому-либо из оных или же вольно или невольно окажут им обоим либо кому-то из них помощь в избежании ареста, Мы будем преследовать оных лиц по всей строгости...

И последнее: сим Мы объявляем, что любой, кто окажет помощь в обнаружении вышеупомянутых Эдварда Уолли или Уильяма Гоффа и посодействует в задержании оных и представлении живыми или мертвыми, получит вознаграждение в сто фунтов деньгами за каждого из них.

Подписано при Нашем дворе в Уайтхолле сентября в двадцать второй день. Каролус R.»

Видеть их имена напечатанными оказалось таким потрясением, что некоторое время Фрэнсис не могла сдвинуться с места, только стояла и смотрела на одни и те же слова: «Эдварда Уолли и Уильяма Гоффа... живыми или мертвыми... сто фунтов...» Глаза ее поднялись к верхней части объявления: «...вернулись, как Мы основательно полагаем, в Наше королевство Английское...»

«Как Мы основательно полагаем...» Выходит, это ее рук дело. Король Английский, сидя в своем дворце, издал прокламацию из-за *нее*.

При этой мысли у нее подкосились колени, и она обернулась, чтобы убедиться, не видит ли кто ее. Церковь выглядела пустой. На общинном лугу мужчина при помощи мальчика и собаки вел стадо овец в загон. Высыпав каштаны из передника, она сорвала прокламацию, сложила и спрятала ее, затем повернулась и быстро зашагала обратно к дому, чтобы предупредить тетю и дядю.

Глава 8

В Массачусетсе наступило время сбора урожая. Зерновые созрели. Поросшие лесом горы вдалеке казались багряными и розовыми, оранжевыми и золотыми в свете заката, более яркого и живописного, чем любой, какой им доводилось видеть в Англии.

– Мы работоспособные мужчины, – сказал Нед Дэниелу Гукину однажды. – Привлеките нас к честному труду. Будем отрабатывать свой хлеб.

С тех пор каждый будний день с рассветом Нед и Уилл выходили из дому, чтобы работать на ферме. Они убирали пшеницу и маис, а когда закончили, принялись копать канавы, чинить изгороди, пасти овец и коров, стоговать сено, валить деревья, колоть дрова на зиму. Руки их загрубели от серпа и топора, мотыги и лопаты. Мускулы окрепли. Если они хотят выжить, размышлял Нед, им нужно быть в форме. Это полезная тренировка.

Работа от рассвета до заката приносила и другую пользу – она притупляла тоску по дому. Вечером, когда они, усталые, валились в кровать, то засыпали так крепко, что не видели даже тревожных снов об Англии. Весточки из дома не было. По воскресеньям беглецы ходили в дом собраний. Трижды они обедали с ректором Чоунси в Гарвардском колледже. Они посещали соседей, таких как старина Бил, который так страдал от камней в почках, что, по его признанию, каждая попытка помочиться оказывалась для него проверкой веры в Господа. Или старина Фрост, который принимал их в своем бедном домишке с такой добротой и любовью, что Уилл сказал по пути домой: «Я предпочел бы разделить кров с этим святым в его убогой лачуге, чем с любым властителем этого мира».

Они ограничились Кембриджем и держались подальше от Бостона. В любом случае туда их больше никто не приглашал. Когда в дом Гукина приходил кто-нибудь чужой, офицеры тихонько поднимались к себе на чердак.

Постепенно стало казаться, что внешний мир забыл про них. Нед начал уже подумывать, не проживут ли они до конца своих дней в качестве простых новоанглийских фермеров. Не стоит ли послать за семьями? Фрэнсис и внуки приспособятся к этой жизни, хотя представить Кэтрин в Америке ему было сложно.

Иногда он наблюдал за мостом в подзорную трубу.

Дни становились короче. Наступали холода.

Глава 9

Долгожданный для Нэйлера день возмездия приближался. Подчас, выйдя с собрания королевских юристов, готовивших обвинение в Сарджентс-Инн, и шагая обратно на Стрэнд, он ловил себя на мысли, что чувствует его приближение почти осязаемо: этот день, как нарыв, зрел в осеннем воздухе – в густом сером покрывале, окутавшем город. Срок был назначен на вторую неделю октября. Кровавое пиршество.

Перед самым заходом солнца во вторник, 9 октября, он переправился на лодке в Тауэр и провел вечер в обществе лейтенанта сэра Джона Робинсона и генерального прокурора сэра Джефри Палмера, обходя камеру за камерой и сообщая каждому из сидящих в одиночках двадцати девяти заключенных, что суд над ними начнется завтра. Все без исключения спрашивали, какое будет выдвинуто против них обвинение, чтобы они хотя бы за одну ночь успели подготовиться к защите. Всем им отвечали, что подробности они узнают утром в суде. Стряпчий Джон Кук, выступавший на процессе над Карлом I в качестве обвинителя, негодовал особенно сильно.

– Утаивать, что нам вменяют, – это нарушение всех норм правосудия!

– Да неужели? – любезным тоном заявил Нэйлер. – Ведь именно так вы поступили с королем. Он узнал о предъявляемых ему обвинениях, только когда предстал перед вашим незаконным судом. – Он грохнул кулаком по двери. – Охрана!

Три чиновника вышли из камеры. Стражник закрыл дверь и запер ее. Кук принялся стучать, требуя, чтобы они вернулись. Его жалобы преследовали их всю дорогу по узкому коридору.

– Хорошо сказано, мистер Нэйлер. – Палмер похлопал его по плечу. – Хорошо сказано. В высшей степени полезная тень...

Он отклонил предложение поужинать и отправился напрямик в постель в резиденции Робинсона и долго за полночь лежал без сна, слушая, как двое его товарищей поднимают за здоровье короля стакан за стаканом дорогого французского коньяка из запасов лейтенанта, провозглашая тосты заплетающимися языками.

Наутро его разбудил в пять часов раскат грома. К шести он стоял во дворе, укрывшись в дверном проеме, и наблюдал, как заключенных выводят в кромешную темень. Небо нависало пеленой грозowych туч, которые озарялись вспышками молний, подсвечивающими струи дождя. Капли шипели на горящих факелах. Цареубийцы в ножных кандалах и наручниках, шаркая, брели по лужам. Трудно было поверить, что эти сломленные старики – те самые революционеры, на целых одиннадцать лет превратившие Англию в республику. Их грузили в стоявшие вереницей кареты с завешенными окнами. Минуту спустя появились не протрезвевшие толком Палмер и Робинсон; Нэйлер сел вместе с ними в отдельный экипаж, и кортеж тронулся в путь под сильным эскортом из кавалерии и пехоты.

Позже он вспоминал следующие девять дней как одно размытое бессонное пятно, из которого отложились в уме только некоторые моменты.

Огромная толпа, почти неразличимая, колышется и переговаривается в дождливом сумраке, как большой зверь, ожидая начала суда.

Средневековое судилище организовано как театр: судьи и чиновники восседают под портиком, а зрители стоят под открытым небом.

Насмешки и издевки, которыми встречают цареубийц, пока их партиями по три или четыре человека переводят из камер Ньюгейта в колодец Олд-Бейли.

Обширное собрание знати, рассевшейся на скамьях, чтобы наблюдать за зрелищем: лорд-канцлер, лорд-казначей, казначей королевского двора, лорд-мэр, спикер Палаты общин, два государственных секретаря. А еще люди, служившие Кромвелю: Эннесли, Эшли-Купер, гене-

рал Монк, возведенный теперь в герцоги Албемарлские. Все это были круглоголовые, которые, если бы не милость Божья и не проворство ног, могли бы сами оказаться сейчас под судом.

Судебный секретарь, промокший насквозь, стоит перед скамьей и зачитывает каждому из заключенных обвинительный акт: «Что он, вкупе с прочими, презрев страх Божий и подстрекаемый дьяволом, злокозненно, изменнически и преступно, вопреки присяге верноподданного и велению долга, заседал и осудил покойного суверена нашего, блаженной памяти Карла Первого, а также января в тридцатый день подписал и скрепил печатью приговор о казни Его священного и тишайшего Величества...»

Жалкие попытки обвиняемых избежать вынесения решения через приговор жюри «виновен» или «невиновен», вместо этого подвергнув сомнению законность процедуры; то, как верховный судья и секретарь снова и снова задавали вопрос, перекрикивая протесты заключенных, пока те не вынуждены были отвечать.

Тишина, воцарившаяся, когда смертный приговор королю был представлен суду и зачитан вслух, а затем показан каждому из обвиняемых. То, как они были вынуждены подтвердить – кто покорно, кто с вызовом – подлинность своей подписи и печати. Те остатки воли к сопротивлению, что еще уцелели в них, словно испарились в тот миг. Опустившиеся плечи, поникшие головы. Эти люди уже были покойниками.

Лорд верховный судья возлагает на голову маленький квадрат из черной материи и раз за разом произносит жестокий приговор: «По решению сего суда вы будете возвращены в то место, откуда пришли, а оттуда препровождены к месту казни, где будете повешены за шею, сняты заживо, детородный орган отсечен, внутренности извлечены из тела и сожжены у вас на глазах, голова отрублена, тело четвертовано, и голова и четверти переданы на усмотрение его королевского величества. И да смилуется Господь над вашей душой».

И убийства – самое главное, убийства, – происходившие в течение недели. Инструменты смерти, расставленные на Чаринг-кросс так, чтобы десять цареубийц, которых не помиловали, заменив казнь на пожизненное заключение, видели в свой последний час Банкетный дом, где они предали смерти короля: эшафот с лестницами и раскачивающимися петлями, жаровни с пылающими углями, раскаленные щипцы и кипящие котлы, плаха, козлы, к которым привязали приговоренных и тащили из Тауэра через запруженные народом улицы, так что в итоге они прибыли с избитыми в кровь спинами и заплеванными лицами. Подъем по лестнице, их последнее слово, толчок палача, короткая пляска на веревке до потери сознания. Потом веревка обрывается, на лицо выплескивается ведро воды, одежда срывается, толпе демонстрируется острый нож, которым затем отсекают член и яйца. Крики, кровь, экстатические стоны и вопли толпы. Вспарывающая живот сталь, извлекаемые раскаленными докрасна щипцами и штопорами внутренности: ярд за ярдом появляются блестящие красные кишки, похожие на связки сосисок в лавке мясника. Их отрезают и бросают на угли; смрад горящей плоти. Затем вырывают и показывают народу пульсирующее сердце. Безжизненное тело бросают на плаху, отрубают голову; топор с чавканьем рассекает труп на четверти. Король в обществе дам наблюдает из окна Холбейн-гейт, прижимая к носу платочек, – разносимый ветром смрад так силен, что богатые горожане, обитающие близ Чаринг-кросс, возмутились, и последние убийства происходили на обычном месте казни в Тайберне.

Последний ночной визит Изабеллы Хэкер в квартиру Нэйлера, мольба о пощаде, разговор с Хайдом на следующее утро («Это благодаря ему мы получили приговор, из-за чего суд прошел гладко...»). В итоге полковник, которому предстояло умереть последним, несказанной милостью короля был приговорен только к повешению, а останки его вернули семье для погребения.

Головы остальных девяти цареубийц были расставлены на пиках вокруг Вестминстер-холла, на Лондонском мосту и в других публичных местах. Четверти тел были прибиты гвоздями к городским воротам. В течение недели-двух они привлекали зевак, но постепенно

люди перестали замечать их – всего лишь куски мяса, расклеванные до костей воронами. Закон забвения был исполнен, и королевское правительство с облегчением обратилось к другим делам.

За исключением Нэйлера.

В конце ноября он собрал очередное заседание своего следственного комитета: Нокс, Уоллис, Бишоп, Принн, чтобы обсудить, как продвигается охота. Он был так занят во время суда и последующих событий, что с момента предыдущей их встречи прошло больше месяца. Нэйлер с удовлетворением внес исправления в списки разыскиваемых, вычеркнув имена всех тех, с кем было уже покончено.

А вот касательно оставшихся новости были самые неутешительные. Генри де Вик, английский посол в Брюсселе, посредством зашифрованной депеши сообщил, что ему почти удалось наложить руки на Джона Лайла, одного из устроителей суда над королем, однако Лайл перепугался и теперь, по слухам, обретается в Гамбурге. Что еще более досадно, генерал армии Парламента Эдмунд Ладлоу, тоже подписавший смертный приговор, летом готов был уже сдаться, но теперь передумал, перебрался каким-то образом через пролив в Дьепп и был замечен в Женеве, под защитой швейцарских кальвинистов.

– Как могли такое допустить? – сурово спросил Нэйлер.

– Пролив узкий, – ответил Нокс, ведущий следствие, пока Нэйлер был занят в суде. – Погода в сентябре стояла не по сезону спокойная. Скорее всего, он переправился на небольшом суденышке, сев с берега, а не в одном из южных портов.

– Возможно, Уолли и Гофф сделали то же самое, – предположил Бишоп. – Королевская прокламация и назначенное вознаграждение не принесли нам ничего, если не считать нескольких злополучных отцов с сыновьями, на которых донесли соседи.

– Результат удручающий, согласен, – сказал Нэйлер. – И неожиданный.

– Возможно, – робко вклинился Нокс, – потому что они и не возвращались в Англию вовсе.

По мере того как шли недели, не принося плодов, Нэйлер и сам был вынужден признать такую возможность. Он часто думал про Фрэнсис Гофф – слишком часто, чтобы ощутить легкий укол совести. Было в ней что-то такое – незыблемость, тихая решимость, – что напоминало ему о покойной жене. Он даже тешил себя фантазией, что... Но нет, это невозможно. Ему очень не хотелось допускать, что она могла обмануть его.

– Почему вы так считаете, мистер Нокс? – В голосе его прозвучала резкая нотка.

– Если помните, сэр, вы поручили мне проверить списки пассажиров с кораблей, отплывших из Англии в Америку в апреле и мае.

– Припоминаю. Вы проверили?

– Мы приостановили эту работу, когда было объявлено вознаграждение, но затем вернулись к ней. – Нокс достал лист бумаги и положил на стол. – Вот манифест корабля под названием «Благоразумная Мэри». Судно вышло из Грейвсенда четырнадцатого мая. Его шкипер, капитан Пирс, – хорошо известный пуританин. Как и некоторые из его пассажиров: Дэниел Гукин – вероятно, тот самый, кто служил таможенным чиновником при Кромвеле; Уильям Джонс – не исключено, что это сын полковника Джона Джонса, недавно казненного царевубийцы.

– И что? Вы полагаете, что Уолли и Гофф тоже находились на борту?

– В списке их нет. Но мое имя привлекли две фамилии, Ричардсон и Стивенсон, вписанные одна за другой, а это наводит на мысль, что они путешествовали вместе.

– Фамилии достаточно распространенные, не так ли?

– Вот именно. Но потом я вспомнил, что отца Уолли звали Ричардом, а отца Гоффа – Стивеном.

Поздравив Нокса с этим блестящим наблюдением настолько любезно, насколько мог, но не слишком искренне, потому как выглядеть болваном Нэйлер не любил, он завершил совещание, взял в конюшне в Мьюзе лошадь, пересек на пароме Темзу и галопом поскакал в Клэпхем. Не доезжая до дома, он спешился, вытащил пистолет и дальше пошел пешком.

«Если лицо или лица... будут прямо или косвенно укрывать, давать приют, поддерживать или оказывать помощь вышеупомянутым Эдварду Уолли и Уильяму Гоффу... Мы будем преследовать оных лиц по всей строгости...»

Это закон, и он приведет его в исполнение. Он упрячет ее в тюрьму. Отберет ребенка. Выжмет из нее правду. А также из старика. И из старухи.

Нэйлер тихонько открыл калитку и зашагал к дому не по дорожке, а по траве, чтобы не производить шума. Дверь оказалась заперта. Он приложил ладони к стеклу и посмотрел через окно в гостиную. Никого. Он обогнул дом, но, заглянув в кухню, увидел то же самое: голые доски, никаких вещей. Дом был покинут.

Две открытые повозки проехали через Саутуорк по направлению к Лондонскому мосту. Уильям и Джейн Хук сидели в задней части первой повозки по обе стороны от Кэтрин Уолли, лежавшей на матрасе в окружении их пожитков. Во второй ехала Фрэнсис Гофф. Она сидела рядом с кучером, баюкая на коленях Ричарда. Позади нее Фрэнки держала Нэн. Джудит и Бетти лежали на животах, взявшись за руки, выглядывали через задний бортик, смеялись и корчили рожи проходим на улице. Фрэнсис пришлось обернуться и строго предупредить девочек, чтобы вели себя осторожно и не выпали.

Она была измотана напряжением последних недель, в течение которых они собирались и готовились к переезду в новое укромное место в городе. Измотана настолько, что даже вопреки холоду и страху могла провалиться в сон, если бы повозка не подпрыгивала время от времени, угодив колесом в яму, и тогда женщину подбрасывало на жестком деревянном сиденье. Фрэнсис пребывала все в таком же дремотном, полубессознательном состоянии, когда они подъехали к ведущим на Лондонский мост воротам. Повозка снова подпрыгнула, и перед открывшей глаза женщиной предстал кошмар из словно покрытых воском лиц, парящих в холодном небе, как воздушные змеи. Они смотрели на нее, безглазые, с перекошенными ртами, с неровно разрубленными шеями, с установленных над опускающейся решеткой пик. Она узнала два из этих лиц даже издали – это были республиканский проповедник Хью Питер и старый валлийский друг Уилла, полковник Джон Джонс.

Фрэнсис охнула и инстинктивно закрыла малышу глаза ладонью, чтобы он не видел. Но Ричард крепко спал, убаюканный раскачиванием повозки. Они миновали ворота, проехали по мосту и затерялись в никогда не иссякающем потоке движения по лондонским улицам.

Глава 10

Первый за зиму снегопад накрыл Массачусетс в середине декабря. В поле работать стало нельзя, и два полковника сидели в своей комнате.

Через подзорную трубу Нед наблюдал, как крупные хлопья медленно укрывают знакомый ландшафт, стирая знакомые ориентиры на дорогах и болотах, пока не остались только темные линии. Тут он заметил, что рабочие на мосту кладут доски между быками, постепенно подтягивая настил к середине реки. Когда он, надев сапоги и шляпу, отправился удостовериться лично, строители с гордостью подтвердили, что мост будет готов к использованию, если не совершенно закончен, к концу месяца.

Уолли постоял немного, не обращая внимания на снег и хмуро глядя на противоположный берег. Мост не только сократит время пути из Бостона. Паром не ходил по ночам, поэтому попасть в Кембридж после наступления темноты было нельзя. Теперь все изменится. Наконец полковник резко развернулся и зашагал вверх по холму к дому Голдена Мура.

– Мистер Мур, у вас не осталось щеночка из прошлого помета?

– Ага, полковник, один есть – миленькая сучка. Вот только мне не очень хочется с ней расставаться.

– Но я был бы очень признателен, если бы вы отдали ее мне.

Нед сунул копошащегося спаниеля под куртку, принес в дом и представил за ужином в виде сюрприза детям. Мэри Гукин не хотела заводить собаку и сто раз ясно давала это понять, но теперь, стоило ребятам увидеть щенка, ничего уже поделать было нельзя. Да и собачка действительно была ужасно миленькой, это даже Мэри пришлось признать: совершенно черная, за исключением белого пятна на шее. Девочки называли ее Бонни. Она спала у очага в кухне и лаяла всякий раз, когда мимо дома проходил кто-то чужой.

Вскоре после этого случая, в конце декабря, корабль из Бристоля доставил пакет с почтой. Дэниел принес его в гостиную, чтобы прочесть за столом. Остальным он ничего в течение дня не говорил, но настроение у него заметно ухудшилось, и он дважды уединялся с Мэри в их спальне. Вечером, когда Нед и Уилл закончили молиться, перед тем как отойти ко сну, в дверь чердака постучали, и вошла чета Гукинов. Не говоря ни слова, Дэниел протянул им документ.

Нед и Уилл сели на кровать и стали читать. Это была подписанная королем прокламация, объявляющая награду в сто фунтов за голову, живую или мертвую, подлых предателей полковника Эдварда Уолли и полковника Уильяма Гоффа, а также обещающая суровое наказание тому, кто посмеет укрывать их. Дата указывала, что путешествие прокламации от дворца Уайтхолл до Бостона в Массачусетсе заняло три месяца.

– По крайней мере, они полагают, что мы в Англии, – сказал Нед, в силу характера во всем склонный видеть надежду. Он поднял глаза. – И взяли ложный след. Это хорошо. И почему все называют меня полковником, когда я был при Оливере генеральным комиссаром кавалерии? Одну мою голову следовало бы оценить в две сотни фунтов.

Дэниел не улыбнулся.

– К несчастью, довольно скоро они поймут свою ошибку: все в Кембридже и многие в Бостоне способны подтвердить, что вы здесь. И губернатор Эндикотт едва ли сможет игнорировать указ короля.

Уилл опустил голову и сцепил руки за шеей.

– Мы должны покинуть ваш дом.

Дэниел покачал головой:

– Нет.

– Но наше присутствие навлекает опасность на вас всех. Нам следует немедленно уехать.

– И куда вы отправитесь посреди зимы? В Бостоне о прокламации уже наверняка известно. Через неделю ее разошлют по всей колонии. Бежать вам некуда. – Дэниел переглянулся с Мэри и взял ее за руку. – Мы все тщательно обсудили и приняли решение. Мы вас не бросим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.